РУССКІЯ ПѢСНИ,

СОБРАННЫЯ

ПАВЛОМЪ ЯКУШКИНЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

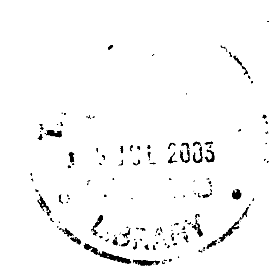
1860.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 23 апрѣля 1860 года..

Цензоръ П. Новосильскій.



РУССКІЯ ПѢСНИ,

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. И. ЯКУШКИНА.

Нѣсколько словъ отъ собирателя.

Пока не вышло въ свѣтъ драгоцѣнное собраніе пѣсенъ, оставшееся послѣ покойнаго Петра Васильевича Кирѣевскаго, обязанность каждаго любителя народной поэзіи заключается въ томъ, чтобъ сообщать и печатать всѣ матеріалы, какіе онъ успѣетъ собрать. Матеріалы эти покамѣстъ, до выхода въ свѣтъ собранія Кирѣевскаго, имѣютъ значеніе безотносительное, а для редакторовъ этого, всѣми такъ нетерпѣливо-ожидаемаго собранія, могутъ быть полезны, по-крайней-мѣрѣ, какъ варіанты. Съ этою цѣлью издаю я часть моего собранія, которое надѣюсь напечатать въ скоромъ времени все.

Хотя въ настоящее время казалось бы рано подводить пѣсни подъ различные отдѣлы, и хотя другая обязанность собирателя состоитъ еще въ томъ, чтобъ не мудрствовать лукаво и пока не извлекать изъ нихъ теорій въ пользу того или другаго историческаго и нравственнаго взгляда; но, для удобства употребленія, необходимо подвести ихъ подъ какіе-нибудь рубрики. Въ этомъ отношеніи, сколько я могъ убѣдиться при разсматриваніи бывшихъ у меня подъ руками матеріаловъ П. В. Кирѣевскаго, пѣсни могутъ быть безопасно раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: I) Стихи духовнаго содержанія; II) Пѣсни историческія, съ которыми могутъ быть соединены и солдатскія; III) Пѣсни лирическія, изъ которыхъ нѣкоторыя, по своему содержанію, нѣсколько эпическому, принадлежатъ къ области балладъ, другія къ роду элегій. Впрочемъ, баллада такъ легко переходитъ въ элегію и, наоборотъ, элегія въ балладу, что строго разграничить ихъ невозможно, по-крайней-мѣ-

рѣ, до времени, и наконецъ IV) Пѣсни обрядныя, то-есть a) свадебныя, b) величальныя, c) подблюдныя, d) хороводныя и e) праздничныя.

Я думаю, что варіанты пѣсенъ должны быть печатаемы *всѣ:* варіанты словъ могутъ быть подводимы подъ тексты, но варіанты содержанія должны быть сохраняемы во всей ихъ цѣлости и неприкосновенности. На это есть различные способы и методы. П. В. Кирѣевскій составлялъ пѣсню изъ различныхъ варіантовъ, относя разности въ примѣчанія и такимъ образомъ сохраняя варіанты и вмѣстѣ выводя изъ нихъ существенное содержаніе; но это могъ дѣлать одинъ П. В. Кирѣевскій съ его глубокимъ знаніемъ источниковъ, съ его въ высшей степени замѣчательнымъ эстетическимъ чутьемъ и при обиліи его матеріаловъ. Укажу, какъ на примѣръ такой мастерской работы, на свадебную пѣсню, помѣщенную ниже. Но не всѣмъ такой пріемъ позволителенъ. Приведу для примѣра пѣсню, записанную г. Языковымъ и переданную имъ П. В. Кирѣевскому (см. „Денница“ 1834) и передѣлку этой же пѣсни г. Сахаровымъ:

Пѣсня, напечатанная въ «Денницѣ» П. В. Кирѣевскимъ.

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ собака двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки смѣты нѣтъ.
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накоплемши онъ силы, на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый на городъ на Полотскій,
На другой-то на городъ Велики-Луки,
На третій на батюшку на Опсковъ градъ,
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ
Становился собака въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ собака во золотъ стулъ,
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силушки убыло?
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ *ротъ*,
А прибыло силушки сорокъ полковъ;
Тутъ же онъ собака возрадуется:
„Охъ вы гой еси мои скорые хожатели,
„Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
„Мечитесь скоро въ зеленые луга,
„Въ зеленые луга государевы!

. . . .
. . . . (*)
„Бери свово коня Бахмута,
„Поѣзжай во батюшку въ Опсковъ градъ:
„Во городъ въѣзжай не спрашивай,
„Ко двору подъѣзжай не докладывай,
„Во палаты восходи не бей челомъ;
„Клади ярлыки на дубовы столы.“—
За столами сидитъ воевода царевъ
Карамышевъ Семенъ Константиновичъ.
„Охъ ты гой еси воевода царевъ,
„Карамышевъ Семенъ Константиновичъ!
„Отдай городъ Волокъ безъ бою (**),
„Безъ бою и безъ драки великія,
„Безъ того уголовія смертнаго;
„Я на первомъ часу возьму Опсковъ градъ,
„На другіемъ часу стану чистити,
„На третьемъ часу стану столъ становить,
„Стану пить, веселиться, прохлàдитися;
„Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
„Донскихъ козаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
„А тебя воеводу казнить буду!“
Возговоритъ воевода царевъ
Карамышевъ Семенъ Константиновичъ:
„Блуденъ сынъ король съ королевичемъ!
„Съ паномъ гетманомъ Хоткевичемъ
„И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ,
„Не отдамъ я тебѣ города безъ бою,
„Безъ бою и безъ драки великія,
„И безъ того уголовія смертнаго!“
Какъ со вечера солдаты причащалися,
Со полуночи ружья чистили,

Ко бѣлой зорѣ, какъ куры пропѣли,
Не туча съ тучей сходилася,
Не зоря со зорей смыкалася
Сходилися два войска, два великія,
Бѣлаго Царя съ королевскіимъ.
Тутъ ѣздитъ разъѣзжаетъ удалый добрый молодецъ
Еще тотъ ли же Воевода Царевъ
Карамышевъ Семенъ Константиновичъ.

(*) Здѣсь долженъ быть пропускъ. *Прим. П. В. К.*

(**) Названіе «Волока» (Ламскаго) вмѣсто Пскова, здѣсь очевидно взято изъ другой пѣсни, вѣроятно, похожей на эту содержаніемъ и напѣвомъ. Такія перестановки нерѣдки въ народныхъ пѣсняхъ.
Прим. П. В. К.

Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь?
Помогъ Богъ воеводѣ московскому
Карамышеву Семену Константиновичу!
Побилъ силу королевскую;
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщиковъ;
Насилу король самтретей убѣжалъ.
Бѣгучи онъ собака заклинается:
„Не дай Боже мнѣ во Руси бывать!
„Ни дѣтямъ моимъ, и ни внучатамъ!
„И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ!"

Пѣсня, напечатанная г. Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа».

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ собака двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки: смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накоплемши онъ силы, на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый-то городъ на Полотскій,
На другой-то городъ на Велики Луки,
На третій-то на батюшку на Опсковъ градъ;
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку, подъ Опсковъ градъ,
Становился собака въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ собака во золотъ стулъ,
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ *сотъ*,
А прибыло силушки сорокъ полковъ;
Тутъ же онъ собака возрадуется:
„Охъ, вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
Мечитесь скоро въ зеленые луга,
Въ зеленые луга государевы!
Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ:
Бери свово коня Бахмута,

Поѣзжай во батюшку во *Псковъ* градъ:
Во городъ въѣзжай, не спрашивай,
Ко двору подъѣзжай, не докладывай,
Во палаты возходи, не бей челомъ,
Клади ярлыки на дубовы столы."
За столами сидитъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
„Охъ, ты гой еси воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
Отдай городъ *Опсковъ* безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
Безъ того уголовія смертнаго.
Я на первомъ часу возьму Опсковъ градъ,
На другіемъ часу стану чистити,
На третьемъ часу стану столъ становить,
Стану пить, веселиться, *прохлажатися;*
Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
Донскихъ козаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
А *я* тебя, воеводу, казнить буду!"
Возговоритъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ:
Блуденъ сынъ король съ королевичемъ,
Съ паномъ гетманомъ Хоткевичемъ,
И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ!
Не отдамъ я тебѣ городъ безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
И безъ того уголовія смертнаго!"
Какъ со вечера *ратные* причащалися,
Со полуночи ружья чистили,
Ко бѣлой зарѣ, какъ куры пропѣли,
Не туча съ тучей сходилася,
Не заря со зарей сомыкалася,
Сходилися два войска, два великія,
Бѣлаго Царя *съ королевскимъ,*
Тутъ ѣздитъ, разъѣзжаетъ, удалый добрый молодецъ,
Еще тотъ ли же воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.
Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь?
Помогъ Богъ воеводѣ московскому,
Шуйскому князю Ивану Петровичу!
Побить силу королевскую:
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ;
Насилу король самъ третей убѣжалъ.
Бѣгучи, онъ, собака, заклинается:
Не дай Боже мнѣ во Руси бывать!
Ни дѣтямъ моимъ, и ни внучатамъ!
И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ.

Вещь совершенно невозможная, чтобы при изустной передачѣ пѣсни она оказалась такъ, слово въ слово сходною съ прежде приведенною и чтобы единственный варіантъ былъ въ имени князя Шуйскаго, исторически болѣе вѣрномъ. Дѣло, кажется, ясное, что она г. Сахаровымъ просто перепечатана съ измѣненіемъ имени героя, съ присочиненными явно стихами, съ замѣною словъ, по мнѣнію издателя, *новыхъ старыми*, какъ: *ротъ*, *солдатъ* и другими. Что касается до П. В. Кирѣевскаго, то, соединяя варіанты (если таковые были), онъ никогда не сочинялъ отъ себя ни одного слова. Привожу еще двѣ пѣсни, одну: свадебную, П. В. Кирѣевскаго и другую мою, о князѣ Голицынѣ: пѣсня П. В. Кирѣевскаго составлена изъ нѣсколькихъ варіантовъ; я же, не принимая на себя такой смѣлой задачи, только подвожу варіанты, думая, что они должны быть сохраняемы. Что касается до варіантовъ содержанія, то ихъ я оставляю совершенно-неприкосновенными; ибо каждый варіантъ представляетъ свой особый интересъ. Укажу въ этомъ отношеніи на варіанты пѣсни о Ванѣ Ключничкѣ и на нѣкоторыя лирическія пѣсни предлагаемаго собранія.

Что при вечèрѣ вечèрничкѣ,
При остàтнемъ часỳ — врèмячкѣ,
При Катерùниномъ дѣвùчничкѣ,
При Михàйловной дѣвùчничкѣ,
Прилетàлъ младъ ясмёнъ сокòлъ,
Младъ ясмёнъ соколъ сизокрыльчатый;
Онъ садùлся на окòшечко,
На серéбрину причéлинку.
Что никтò его не вùдѣлъ;
Тòлько вùдѣлъ родной бàтюшко.
Говорùлъ онъ своéй дòчери,
Своéй дòчери Катерùнѣ душѣ,
Своéй дòчери Михàйловнѣ:
„Ты сердéчное дùтятко,
„Катерùна Михàйловна!
„Приголỳбь себѣ голỳбчика,
„Яснаго сòкола залётнаго,
„Дòбраго мòлодца заѣзжаго,
„Свѣтъ Ивана Александровича!“
— Государь роднòй бàтюшко,
Госудàрыня мàтушка!
Я бы рàда приголỳбила его:
Скòры нòжки подломùлися,
Бѣлы рỳчки опустùлися,
Ясны òчи помутùлися,
Красотà съ лицà смѣнùлася.

Пять варіантовъ: А) записанъ въ городѣ Осташковѣ; В) доставленъ отъ А. С. Пушкина; Г) записанъ Орловской Губ., Мало-архангельск. уѣз., въ с. Лимовомъ; Д) записанъ Московск. Губ., Звѣнигородск. у., въ с. Ильинскомъ; Е) записанъ Московск. Губ., Звѣнигородск. у., въ дер. Воронкахъ. Осташковскій варіянтъ принятъ за текстъ.

1 — В) Начинается такъ: *Какъ при вечерѣ, вечерѣ, При послѣднемъ часу времячкѣ, При княгининомъ дѣвичничкѣ, Вылеталъ же младъ ясёнъ соколъ; Онъ садился на окошечко, На серебряну рѣшёточку, На шелкову занавѣсочку.* — Въ вар. Г) первыхъ четырехъ стиховъ нѣтъ, а начинается прямо: *Прилеталъ соколъ къ окошечку; Онъ садился на окошечко, На серебряно стеколечко, На позлощёную рѣшёточку.* — Д) *На сговорѣ на дѣвичникѣ, На дѣвичьемъ было вечерѣ, У Катерины было въ терёмѣ, У Михайловны въ высокіемъ: Ей въ ночи младой мало спалось, Мало спалось, во снѣ видѣлось. Ей неловокъ сонъ привидѣлся, Прилеталъ же къ ней ясёнъ соколъ, Онъ садился къ ней на окошечко, на златую на причёленку.* Е) *Какъ у Катерины на дѣвичничкѣ, У Михайловны на красныемъ, При дѣвичьемъ было при вечерѣ, Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ*; далѣе какъ въ текстѣ.

2 — В) *Какъ увидѣла да узрѣла свѣтъ княгинина матушка; Ты дитя моё дитятко, Ты дитя чадо милое! Приголубь ты яснаго сокола! Яснаго сокола*, и проч. — Д) *Что увидѣла яснова сокола Катеринина-то матушка: Охъ ты дитятко Катеринушка, Ты привѣть приголубь яснова сокола.* — Въ вар. Г) и Е) совсѣмъ нѣтъ стиховъ 9, 10, 11, 12 и 13, а вмѣсто того послѣ 8-го стиха поется въ вар. Г) *Душа, душа красная дѣвица, Прими, прими яснаго сокола, Яснаго сокола, залётнаго, Добраго молодца пріѣзжаго;* а вар. Е) *Катеринушка, ты Михайловна, пусти сокола залётнаго.*

3. — Съ 22-го стиха окончаніе взято изъ вар. В) и дополнено 25-мъ стихомъ изъ Г). — Въ остальныхъ варіантахъ конецъ поется такъ: А) *Я и рада бъ приголубить его; Скорыя ноженьки подломилися, Бѣлыя рученьки опустилися, Ретиво сердце испугалося, На всѣ стороны кидалося, ко Ивану приклонялося, Къ Александровичу приклонялося.* Въ Г) *Я бы рада привѣтила его: Ретиво сердце испужалося, Рѣзвы ножки подломилися, Бѣлы ручки опустилися, Златы перстни покатилися, Ясны очи помутилися, Чёрны брови приморгалися.* Въ Д) *Ты родимая моя матушка! Я бы рада привѣтила яснова сокола: Мое сердце не воротится, Животъ кровью обливается, Лицё слёзьми омывается.* Въ Е) *Моё сердце*

воротится, Живот кровью обливается; У батюшки гости сидять, А у матушки гостьиньки, У меня младой подруженьки. — За тѣмъ въ вар. Е). присоединена еще къ этой пѣсни другая: *Вы подруженьки голубушки,* и проч.

Не куликъ по болотамъ куликаетъ, (1)
Молодой князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ; (2)
Не одинъ князь гуляетъ — съ разными полками,
Съ Донскими казаками, еще съ егарями (3)
И онъ думаетъ, гадаетъ, гдѣ пройдтить, проѣхать: (4)
Ему лѣсомъ ѣхать очень темно,
Мнѣ лугами князю ѣхать очень было мокро,
Чистымъ полемъ князю ѣхать — мужикамъ обидно,
А дорожкою ѣхать — дорожкою пыльно;
А Москвой коли ѣхать было стыдно, (5)
Ужь поѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Тверскою Ямскою, Новой Слободою, глухимъ переулкомъ. (6)
Подъѣзжаетъ князь Голицынъ близко ко Собору, (7)
Скидаваетъ князь Голицынъ шапочку соболью, (8)
Становился князь Голицынъ на колѣнки, (9)
На колѣнки становился, самъ Богу молился; (10)
Богу помолился, Царю Государю низко поклонился: (11)
„Ужь ты здравствуй, Государь Царь, съ своими боярами, (12)
„Съ своими боярами, съ большими князьями,
„А еще ты, Государь Царь, съ голубыми лентами,
„А еще ты, Государь Царь, съ разными полками!
„Охъ ты батюшка, Государь Царь ты нашъ православный!
. . . .
. . . .
„Ты пожалуй, Государь Царь, меня городочкомъ,
„Небольшимъ городочкомъ, Малымъ Ярославцемъ". (13)
— Нѣту, нѣту тебѣ князю, нѣтъ ни городочка,
Ни малаго, ни большаго нѣту Ярославца. (14)

Восемь варіантовъ: 1) Воронки Моск. г. 2) Тульск. г. (пѣлъ солдатъ). 3) Калуж. г., Лихв. у., имѣніе г. Полтова. 4) Орлов. губ., Малоарх. у., с. Саборово. 5) Мал. у. 6) Тульск. губ. 7) Орлов. г. и у. 8) Москов. г., с. Ильинское. Первый принятъ за текстъ.

1) 2 *этого стиха нѣтъ.* 3) У насъ только во болотѣ куликъ куликаетъ, 4) 6) Что ни куликъ куликаетъ, 5) Эхъ да ни куликъ-атъ, братцы, во чистомъ полѣ куликаетъ, 7) Ни куличинька по болоту куликаетъ.

2) 2) Во лужкахъ-то князь Голицынъ гуляетъ, 3) Вотъ нашъ да князь Голицынъ сы полкомъ гуляе, 4) 6) Ни молоденькій князь... 5)

Ально молодой.... 7) Князь Голицынъ по лужечку гуляетъ, 8) По лужкамъ князь Голицынъ гуляетъ.

3) 2) Онъ со тѣми вѣдь со полками, все съ егерями. 3) *Этого стиха нѣтъ.* 4) 6).... съ своими полками, со любезными полками, больше съ казаками. 5) Іонъ гулятъ, разгулятъ на вороном, кони Ни одинъ князь гулять съ своими полками, што съ своими полками, съ Донскимъ казаками 7).... съ своими полками, съ своими полками больше съ егарями. 8).... съ своими полками, съ своими полками еще съ егарями.

4) 2 Онъ и думаетъ, князь Голицынъ, гдѣ пройдтить лучше проѣхать. 3) Думалъ, думалъ князь Голицынъ, думалъ гдѣ проѣхать. 4) 6) Да онъ думаетъ князь, гадаетъ, про все размышляетъ: Вотъ и гдѣ князю Голицыну въ Москву проѣхать? 4) Вотъ онъ.... 7).... гдѣ въ Москву проѣхать 8).... гдѣ лучше проѣхать.

5) 2) Дорогою ѣхать пыльно, а лѣсомъ ѣхать тёмно. 3) Только лѣсомъ только ѣхать, лѣсомъ очень темно, только полими князю ѣхать, полими очень пыльно. 4) Вотъ и полемъ князю ѣхать, полемъ было пыльно, Вотъ и полемъ ѣхать князю да все былья, Вотъ и лѣсомъ князю ѣхать, — ему было темно; Вотъ Москвою ѣхать князю, ему было стыдно; Отъ чего же Князю стыдно?— 5) Если лугомъ князю ѣхать, — лугомъ очень мокро; Если лѣсомъ князю ѣхать, — лѣсомъ очень тёмно; Вотъ и полемъ князю ѣхать — черно, пыльно; Што Москвою князю ѣхать, Москвой очень стыдно. 6) Вотъ и полемъ князю ѣхать, полемъ было пыльно, Вотъ и лѣсомъ князю ѣхать, ему было страшно, Вотъ Москвой... *какъ въ 4-мъ вар.*, Полемъ (князю ѣхать черно) быльно, лужичкомъ князю ѣхать — трава павелика; Лѣсомъ князю ѣхать будетъ темно; Большой дорогой князю ѣхать будетъ пыльно, Большой улицей князю ѣхать, будетъ отъ господъ стыдно. 8) Ужъ и полемъ князю ѣхать ему пыльно, Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать было страшно, А дорогой князю ѣхать было стыдно.

6) 2) Новой слободой — *нѣтъ* 3) Только ѣхалъ князь Голицынъ, ѣхалъ все проулками, Все проулками, закоулками. 4) 6).... улицей Тверскою, Слободой Ямскою, къ новому Собору. 5) Вотъ онъ крался князь, пробирался улицей Тверскою, Што и улицей Тверской, Охотнымъ рядомъ. 7) Поѣхалъ князь Голицынъ глухимъ переулкомъ. 8) Ужъ поѣхалъ князь Голицынъ переулкомъ.

7) 2)....... прямо ко Собору 3)...... Кы цареву кы Собору. 4) 6) *этого стиха нѣтъ* 7).... Къ Успенскому Собору. 8) близко *нѣтъ*.

8) 3) Онъ скидаетъ.... 4) 6) Онъ скидаетъ шапочку соболью, несетъ онъ съ собою 7).... шапочку соболью, Кладетъ онъ ее передъ собою 8) Скидавалъ-то князь Голицынъ пуховую шляну.

9) 2) 4) 5) 6) 7) *этого стиха нѣтъ.* 3) Онъ Богу молился, низко поклонился, Низко, низко только поклонился, упалъ на колѣнки.

10) 2) Вотъ и сталъ князь Голицынъ Богу онъ молиться. 3) *эт. ст. нѣтъ* 4) Онъ сталъ Голицынъ, сталъ Богу молиться 5) Вотъ онъ Богу-то помолился, на всѣ три сторонки. 6) Вотъ и молится Голицынъ Спасу со Пречистой. 7) На колѣни князь становился, Богу онъ молился. 8) *эт. ст. нѣтъ.*

11) 2) На всѣ стороны князь Голицынъ поклонился 3) *эт. ст. нѣтъ.* 4) 6) Вотъ и Богу князь помолился, да всѣмъ поклонился 5) На четвертую сторону Царю поклонился 7) Богу онъ молился, Царю поклонился 8) И онъ кланялся Царю бѣлому, Кланялся князь Голицынъ господамъ всѣмъ боярамъ.

12) 2) Съ своею Царевной 3) 8) *эт. ст. нѣтъ* 4) 6).... со своей Царицей 5).... съ своими полками *вар. кончился.* 7) Здравствуй Государь Царь надежа моя.

13) 2) Вотъ ты жалуешь, Государь Царь, князьевъ и бояревъ, Вотъ ты жалуешь, Государь Царь, малыми чинами, А ты пожалуй-ко меня Государь Царь, меня городочкомъ, Вотъ и тѣмъ ли же городочкомъ Малымъ Ярославцемъ! — "Вотъ и чѣмъ же тебѣ, князь Голицынъ, городъ показался?" — Хорошо Ярославь городъ построенъ, на рѣчкѣ поставленъ, — Вотъ въ томъ ли городочкѣ много зёленыхъ садочковъ! Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣвочки, Гуляютъ дѣвочки, генеральскія дочки. 3) Ужь чѣмъ, Государь Царь, чѣмъ жа насъ пожалуешь? 4) 6) Ужь ты жалуй, Царь, господъ разными чинами. А меня князя Голицына малымъ городочкомъ, Да вотъ малымъ городочкомъ, славнымъ Ярославомъ. 7) Чѣмъ ты, Государь Царь, господъ жалуешь? "Господъ я жалую чинами, купцовъ городами". — А меня, Государь Царь, жалуй городочкомъ, Жалуй городочкомъ Малымъ-Ярославцемъ. — "Чѣмъ же тебѣ, князь, Ярославь городъ показался?" — Показался мнѣ Ярославь городъ садами: Во первомъ во садикѣ гуляли генеральскія дочи, Во другомъ во садикѣ гуляли купеческія дочки 8) *эт. ст. нѣтъ.*

14) 2) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ* 3) пожалую тебѣ, князь Голицынъ мелкими деревнями, Мелкими деревнями, новыми городами: Они тёсомъ не(о)бложоны, небомъ не покрыты. 8) Вы стройте мнѣ, бояре, каменны палаты, Что не крытыя, не мшоны, совсѣмъ не свёршены.

Важное значеніе варіантовъ въ пѣсняхъ особенно-наглядно выражается, напримѣръ, въ пѣснѣ о князѣ Волконскомъ и Ванѣ ключникѣ. Въ моемъ собраніи, нынѣ предлагаемомъ публикѣ, я представляю это народное созданіе въ трехъ варіантахъ, и пѣсню про молодца въ которой разсказывается подобное же происшествіе. Какъ варіантъ той же пѣсни замѣчательны: 1) въ древнѣйшей, по всей видимости, формѣ о Дунаѣ Ивановичѣ (напечатанной въ „Извѣстіяхъ Академіи“), 2) въ формѣ, сохраненной новиковскимъ пѣсенникомъ:

Гулялъ молодецъ по Украйнѣ ровно тридцать лѣтъ,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.

3) въ смутной и темной формѣ пѣсенъ о князѣ Волконскомъ, напечатанныя О. М. Бодянскимъ въ III № Чтеній 1859 года, 4) наконецъ въ позднѣйшей, искаженной трактирной цивилизаціей формѣ: „Любила княгиня камеръ-лакея“, помѣщенной во многихъ старыхъ сборникахъ пѣсенъ.

Другая важная сторона значенія варіантовъ уясняется изъ извѣстной пѣсни:

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по прежнему?...

равно относимой народнымъ творчествомъ къ Іоанну IV, Петру I, Петру II, Петру III, Екатеринѣ (вѣроятно, II), къ Павлу I и къ Александру I. Эпическія формы остаются тѣ же, но прилагаются къ разнымъ лицамъ. Такъ еще пѣсня, сложенная про смертть Лопухина изъ эпохи „Семилѣтней войны“, приложена къ французскому нашествію. Вообще географическимъ названіямъ и именамъ историческихъ лицъ не должно приписывать въ пѣсняхъ большаго значенія. Въ Новгородѣ и Псковѣ является часто и совершенно-неумѣстно Иванъ IV; въ Орлѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ и проч. Петръ I; въ низовыхъ губерніяхъ: Симбирскѣ, Саратовѣ и проч. Алексѣй Михайловичъ (*).

Такъ въ приведенной выше пѣснѣ является Карамышевъ, въ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря Салтыковъ, лица, неучаствовавшія въ событіяхъ, о которыхъ въ пѣсняхъ разсказывается.

Вообще я долженъ замѣтить, что баллады представляютъ гораздо-болѣе варіантовъ, чѣмъ пѣсни чисто-лирическія. Изъ послѣднихъ мож-

---

(*) Я имѣлъ эту пѣсню изъ Вятки, Новгорода, Костромы, Москвы, Орла, Воронежа. Всѣхъ списковъ я знаю до 20-ти.

но указать на нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, „Калина съ малиною лазоревый цвѣтъ“, извѣстная въ народѣ подъ названіемъ „*Веселая бесѣдушка*“, рѣшительно не представляютъ варіантовъ (кромѣ выговора) (*). Свидѣтельствуетъ ли это въ пользу ихъ древности — предоставляю рѣшить знатокамъ. Укажу еще на пѣсню: „Охъ ты садъ ли мой садочикъ“ представляющую своей конструкціей большое сходство съ одной изъ древнѣйшихъ славянскихъ пѣсенъ, съ пѣснею о *Розѣ*, Краледворской рукописи.

Желательно, чтобъ изданы были голоса пѣсенъ. До-сихъ-поръ, кромѣ труда покойнаго М. А. Стаховича, нельзя указать ни на одно собраніе, которое сколько-нибудь удовлетворяло бы требованію истинныхъ знатоковъ. По моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи должны быть сохраняемы варіанты мотивовъ, разнообразные по мѣстностямъ. Въ настоящее время мнѣ удалось слышать пѣсни, аранжированныя для пѣнія К. П. Вильбоа, какъ мнѣ кажется, эти аранжировки, удовлетворятъ своею вѣрностью и художественностью самыхъ строгихъ судей этого дѣла.

Извѣстно, что пѣсни П. В. Кирѣевскаго переданы въ общество любителей россійской словесности и мы надѣемся, что онѣ скоро будутъ изданы, какъ одному лицу, какова ни была бы любовь его къ дѣлу, никогда издать не удастся. Но какъ бы онѣ ни были изданы, должно желать одного, чтобъ онѣ были изданы скорѣе: изданіе ихъ можетъ быть всегда повѣрено съ оригиналами, которые, какъ я знаю, должны быть переданы въ петербургскую публичную библіотеку или въ московскій университетъ.

ПАВЕЛЪ ЯКУШКИНЪ.

СТИХИ.

I.

СТИХЪ ПРО ЕГОРІЯ ХРАБРАГО.

Во седьмомъ году восьмой тысячи
Наѣзжалъ царище Кудрянище
Ко тому ли городу Чернигову.
Онъ князей бояръ всѣхъ повырубилъ;
Благовѣрнаго князя Ѳедора
Онъ подъ мечъ склонилъ,
Голову срубилъ.
Оставалося чадо малое,
Молодой Егорей свѣтло-храбрый:
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
И во лбу солнце, во тылу мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды перехожія.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ Егорья-свѣта мучити
Всякими муками да разноличными.
Началъ онъ Егорья топорами сѣчь:
Топоры все зубье прикрошилося,
А Егорья свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило,
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья пилой пилить:
У пилы все зубье прикрошилося,
Прикрошилося, все приломалося,
А Егорья свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ, того, собака, не пытаючи,
Началъ Егорья водой топить,
Колесомъ вертѣть:
Колесо въ щепу все приломалося,

А Егорья-свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья въ котлѣ варить:
Егорей-свѣтъ въ котлѣ стойкомъ стоить,
Стойкомъ стоитъ, самъ стихи поетъ,
Стихи поетъ все херувимскіе,
Подъ котломъ растетъ трава муравлена,
Растутъ цвѣточки лазоревы.
Онъ, того, собака не пытаючи,
Копалъ погреба глубокіе,
Долины погребъ двадцати саженъ,
Ширины погребъ тридцати саженъ,
Глубину погребъ сорока саженъ,
Посадилъ Егорья-свѣта съ матерью
Во тотъ погребъ во широкой:
Задергивалъ рѣшотки желѣзныя,
Желтымъ пескомъ призасыпывалъ,
Сѣрымъ каменьемъ призаваливалъ,
Муравой травой замуравливалъ.
Онъ пошелъ, собака, похваляется:
„Не бывать-ска Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго.“
По Егорьевой было по участи,
И по Божьей было по милости,
Стонка завѣвали вѣтры буйные
Изъ того изъ далеча чиста поля:
Мураву-траву всю размуравило,
Сѣро каменье все приразвалѣло,
Желты пески всѣ приразвѣяло,
Рѣшеточки всѣ прираздергало.
Выходилъ Егорей на святую Русь,
Увидалъ Егорей свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго,
Сталъ просить благословенія,
Благословенія матушки родимыя
Поѣхать къ Кудревяну Кудреянищу
Изместить обиды всѣ родительскія.
Унимаетъ его матушка родимая:

„Не поѣзжай: у Кудревяна Кудреянища
Есть три заставы, три великія;
Первая застава великая:
Стоятъ лѣса темные,
Они засѣли до неба;
И стиглому и сбѣглому проходу нѣтъ,
И удалому молодцу проѣзду нѣтъ.
А другая застава великая:
Стоятъ двѣ горы высокія,
Разойдутся, да вмѣстѣ столкнутся:
Ни стиглому, ни сбѣглому проходу нѣтъ,
Ни удалому молодцу проѣзду нѣтъ."
Ой же ты—матушка родимая!
Не Божіимъ все есть изволеніемъ—
Все вражіимъ наважденіемъ!
Поѣхалъ удалый доброй молодецъ;
Пріѣхалъ къ лѣсамъ темныемъ.
„Ой все вы лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ко врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта храбраго!"
Стали лѣсы по старому,
Стали лѣсы по прежнему:
Проѣхалъ Егорей-свѣты храбрый.
Пріѣхалъ къ горамъ высокіимъ:
„Полноте-ко горы врагу вѣровать!
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣты храбраго!"
Стали горы по старому,
Стали горы по прежнему;
Проѣхалъ Егорій-свѣты храбрый.
Пріѣхалъ къ рѣкѣ огненной:
„Полно-ко рѣка врагу вѣровать!
Вѣруй-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣты храбраго!"
Стала рѣка по старому,
Стала рѣка по прежнему.
Колотятъ платье двѣ дѣвицы,
Двѣ русскія полоняночки.
„Ой же ты удалый добрый молодецъ!

Есть еще у Кудреяна Кудреяныча,
Есть три заставы, три великія:
Первая заставь: сидитъ надъ крыльцомъ птица:
Унесетъ тебя въ чисто поле,
Малымъ дѣтямъ да на съяденье.
Надъ крыльцомъ сидитъ змѣя лютая:
Ухватитъ тебя на хоботъ свой,
Унесетъ тебя въ чисто поле,
-Малымъ дѣтямъ на съяденье.
Въ палатахъ у него есть мечъ самосѣкъ,
Отсѣкетъ у тебя буйну голову".
— Все это не Божіимъ изволеніемъ,
Все вражіимъ наважденіемъ!
„Охъ ты птица, птица, лети въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей!
Охъ ты змѣя, змѣя лютая!
Лети змѣя въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей!
Охъ ты мечъ мечъ, мечъ самосѣкъ,
Ссѣки у Кудреяна Кудреянища,
Ссѣки буйну голову."

(Архаиг. Губ., зап. *С. В. Максимовъ.*)

II.

СТИХЪ ПРО ЕГОРІЯ ХРАБРАГО.

Во шестомъ году въ осьмой тысячи,
Да при томъ царѣ да при Өедору,
Да при той царицы благовѣрныя,
Да при святой Софіи премудрыя,
Спородила она да три дочери,
Да три дочери, да три любимыи,
Четвертава сына свѣтъ Егорія,
Свѣтъ Ягорія, свѣтъ Храбрава:
По колѣни въ нево ноги въ золоти,
По локоть руки въ чистимъ серебри,

Волоса на немъ, что ковыля трава (*).
Вотъ изъ той земли басурманскія,
Испавѣдывалъ царь басурманища,
Онъ са всей силаю са жидовскаю;
Онъ сикётъ и рубётъ, вы полонъ берётъ!
Заполонилъ же ёнъ да три дѣвицы,
Енъ нагналъ за аграды за рубежнаи,
Приставлялъ кы стаду ка звяринаму,
Кы сѣрымъ валкамъ басурепымъ-жа (**).
Онъ сталъ царища басурманища,
Онъ сталъ жа въ Ягорія распрашивать,
Распрашивати, разгаваривати;
„Какова ты роду, какова племеню,
„Али барскыва, князіянскыва?“
А яму Ягорій атказываить,
А яму Хвабрый атгавариваить:
„Я таво роду христьянскава.“
Ты повѣруй вѣру ты во мнѣ царю къ басурманищу.
Яму Ягорій атказываить,
Яму Хвабрый атгавариваить:
„Не повѣрую вѣру я къ тибѣ къ царю!
Я повѣрую вѣру къ сымаму Христу,
Сымаму Христу—Царю Небеснаму,
Ищо матири Быгародици,
Святой Софеи премудрые,
Ищо Троицы нераздѣльный.“
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорья крѣпко мучити,
Крѣпко мучити разноличными.
Пывялѣлъ Игорія во ножи рѣзать:
У нажахъ концы пытламалиси,
Мастировъ руци патымалиси;
Ничаво Игорію не вредиласи:
Уся яво тѣло сущѣляласи.
Пывялѣлъ царища басурманища,

(*) Т. е. Людей норовятъ съѣсть: такъ Ягорій волковъ прозвалъ.
(Прим. пѣвца.)

(**) Въ воображеніи народа Егорій представляется такимъ, какимъ пишется на иконахъ.

Пывялѣлъ Игорія въ тапары рубить:
У тапарахъ лезья потломалиси,
Мастеровъ руци апущалиси.
Пывялѣлъ царпща басурманища,
Пывялѣлъ Игорья ва пплы пилить:
У пилахъ зубья пывтиралиси,
Мастеровъ очи помишалиси;
Ничаво Игорью ни врядилоси:
Уся яго тѣла суцилялоси!
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорья на маряхъ тапить,
На маряхъ тапить съ бѣлымъ каменемъ:
Енъ паётъ стихи херупмскія,
Да гласомъ гласить по-евангельски,
Да сверхъ жа воды Ягорій плаваить!
Ничаго Ягорью не вредилоси:
Уся яво тѣла суцилялоси.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Игорья вы смалѣ варить,
А смола кипить, яко громъ гремить,
А сверхъ воды (*) Ягорій плаваить!
Ничаго Игорію ни врядилоси:
Уся яво тѣла суциляласи.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорію яму капать:
Глубины яма сорока сажонъ,
Поперечины двадцати сажонъ.
Пысадили Ягорья въ глубаку яму,
Паталочили доски желѣзнаи,
Прибивали гвоздями полуженнами,
Засыпали пясками рудожелтами;
А самъ царища басурманища,
Самъ притаптывалъ, пригаваривалъ:
„Не хадить Игорію по биломъ свѣту.
„Не видать Игорію сонца красныва,
„Не видать Игорію мѣсяца ясныва!“
Изъ-за горыда Русалимскава

(*) Вѣроятно: *воды* вмѣсто *смолы*, по ошибкѣ пѣвца.

Высхадила туча да пригрозныя,
Да пригрозныя, вятры буйнаи,
Разносили пяски рудажолтаи,
Грамава туча доски желѣзнаи:
Выходилъ Ягорій да на бѣлый свѣтъ:
Увидалъ Ягорій сонца красныя,
Увидалъ Ягорій мѣсяцъ ясныя;
Пошолъ жа Ягорій да ва тотъ ва градъ,
Да ва томъ во гради нѣтъ ни старыва,
Нѣтъ ни старыва, нѣтъ ни малыва,
Только стаить церква саборная,
Да саборныя быгамольныя;
Да ва той церкви вы саборныя,
Адна мать пречистая Быгародица,
Святая Сафея премудрая.
Какъ святой Игорій проглаголуеть:
„Мать пречистая Быгародица,
Святая Сафея премудрая!
Ты атдай мнѣ блааславленіе:
Пойду я къ царищу басурманищу,
Да стану за вѣру христіянскую,
Атплачу яму дружбу прежнію.“
Она яму проглаголуить:
„Ты пади ва тѣ степя,
Ты возьми каня богатырскыва,
Са всею оружію ваенныю.“
Паѣхалъ Ягорій на круты горы,
На круты горы, на талкучія;
А крутыя горы сыхадилиси,
Да негди Ягорію праѣхати.
А имъ жа Ягорій проглаголывалъ:
„А горы маи, да все крутыи!
Да вы станьте-ка-сь, горы, да по старому;
Построю на васъ церкву саборнаю,
Саборнаю быгамольнаю.“
Вотъ та застава миновалаcи!
Пыдъизжалъ Ягорій кы тямнымъ лясамъ,
А тямны лиса кы сырой земи приклянилиси.
А имъ Игорій проглаголывалъ:
„Ай вы ляса мои пріагромнаи,

Станьтя ляса па стараму:
Я буду сѣчь, рубить сы малитвами,
Буду изъ васъ строить церкви соборныи,
Да соборныя, быгамольнаи“.
Вотъ и та застава миноваласи!
Пыдъязжалъ Ягорій кы таму стаду,
Кы таму стаду ка звяринаму;
А звѣрямъ Ягорій проглаголывалъ:
„Разойдитеся и гдѣ одинъ-два,
Пы чистымъ палямъ, пы тямнымъ лясамъ,
Да пейте, вы ѣшьте, повелѣнная.“
Вотъ и та застава миноваласи!
Стада пасили красныя дѣвушки,
Ягоріевы родныя сестрицы.
Краснымъ дѣвицамъ Ягорей проглаголуетъ:
„Вы сойдитекаси на Кіянь моря,
Вы абмойте шерсть басурманскую;
На васъ станить тѣла христіянская,
А вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, Царю небесному:
Ещо матери Быгародицы,
Во святой Софеи во премудрыя,
Пресвятой Троицы нераздѣлимыи.“
Подъѣзжалъ Ягорій кы таму дворцу,
На вратахъ сидитъ Великанъ птица,
Во носѣ держитъ Севру рыбу.
Када Севръ рыба пываротитси,
Всѣ синія моря выскалухнутси.
Рыбы Ягорій проглаголуитъ:
„Ходи жа ты, рыба, по синемъ мори.“
А птицы Игорій проглаголывалъ:
„Ходи жа ты, птица, крутымъ берегамъ,
Питайси жа, птица, бѣлай рыбицай.“
Пыдъѣзжалъ Игорій къ царищу басурманищу,
Всталъ царища басурманища Ягорья упрашивати,
Ягорія упрашивати, уговаривати:
„Погоди ко си ты на три года.“
А яму Игорій атказиваитъ:
„Ни на три года, ни на три часа.“
Размахнулъ оружія военная,

Разсѣкъ палаты бѣлакаменны,
Досталъ царища басурманища,
Атплатилъ яму дружбу прежняю,
Дружбу прежнію, кровь гарючаю,
За тае за вѣру христьянскаю!
Слава великая Игорія похожденія!

(Орловск. Губ. Малоарх. у., с. Сабурово. Пѣлъ Иванъ Кондрашевъ. 1858 г. 16 мая.)

III.

СТИХЪ ПРО ЕГОРЬЕВЫ МУЧЕНЬЯ.

При томъ царѣ, при Ѳедорѣ,
У его была царица благувѣрная,
Благувѣрная, благучестивая.
Спородила царица она три отрока:
Два отрока отроковицы,
Третьяго отрока Егорья Храбраго.—
Изъ того ли изъ града изъ Китаева
Подымался невѣрный царь Диклитіанище;
Іерусалимъ , святой городъ, весь повыгубилъ;
Онъ князей и бояръ всѣхъ подъ мечь склонилъ:
А онъ Божьи церквы всѣ на дымъ пустилъ;
Святыихъ образовъ подъ коней послалъ;
А благовѣрнаго царя Ѳедора
Онъ взялъ его, невѣрный царь, за желты кудри,
Отводилъ его далече во чисто поле;
Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову.
А Егорья, отрока премладова—
Онъ мучилъ его мукамъ всякіимъ разныимъ:
Онъ пыталъ Егорья батожьемъ стегать,
Батожьемъ стегать, все желѣзныимъ;
Не взяло Егорья батожьемъ стегать:
Батожья отъ Егорья всѣ переломалися,
Мастеровыя руки опущалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и колесомъ тереть;
Не взяло Егорья колесомъ тереть:

Колесо все отъ Егорья извертѣлося;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья и пиламъ пилить;
Не взяло Егорья и пиламъ пилить:
Всѣ пила отъ Егорья преизгибалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и топорамъ рубить,
И не взяло Егорья и топорамъ рубить:
Топоры всѣ отъ Егорья преломалися,
Мастеровыя руки опущалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья во смолѣ варить,
Не взяло Егорью во смолы кипѣть.
Онъ пыталъ Егорья и на воды топить,
Не взяло Егорья и на водѣ тонуть:
Онъ противъ воды, Егорій, гоголемъ плыветъ,
Гоголемъ плыветъ, самъ стихи поетъ—
Онъ стихи поетъ, Егорій, херувимскіе,
Херувимскіе поетъ по-архангельски.
Онъ, презлой, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ беретъ Егорья за бѣлы руки,
Отводитъ далече его во чисто поле,
На славную гору Сорочинскую.
Приказалъ онъ выкопать ему глыбокъ погребъ—
Глыбиною былъ погребъ сорока саженъ—
Посадилъ онъ свѣта Егорья во глыбокъ погребъ,
Задвигалъ онъ его рѣшетками все зелѣзными,
Засыпалъ онъ песками рудожелтыми;
Онъ дубьемъ и колодьемъ заворачивалъ;
Онъ самъ, невѣрный царь, приговаривалъ:
„Не бывать теперь Егорью на бѣломъ свѣту,
Не видать Егорью солнца краснаго,
Не слыхать Егорью повелѣнья божьяго!“
Самъ пошелъ онъ, невѣрный царь,
Во свой Китай городъ,
Во свое во царство беззаконное.
Онъ Егорьевыхъ двухъ милыхъ сестеръ,
Онъ побралъ, проклятый, во полонъ къ себѣ,

Заставлялъ онъ ихъ пасти стада звѣриныя:
Звѣрей разныихъ, разноличныихъ,
Миновало тому время ровно три года:
Подымалися вѣтра буйные
На славную гору Сорочинскую;
Всѣ дубья, колодья разворачило,
И пески желтыи всѣ поразвѣяло;
Раскрывалися рѣшетки всѣ зелѣзныя;
Выходилъ Егорій вонъ изъ погреба.
Помолился Егорій на образа Спасителя;
Пошелъ Егорій Храбрый онъ въ Іерусалимъ-городъ.
Іерусалимъ, ихный городъ, весь повыгубленъ;
Только оставши во святомъ градѣ, въ Іерусалимѣ,
Единая полата бѣлокаменная
Его батюшки, царя Θеодора,
Да еще былъ оставши второй Давыдовъ домъ.
Взошелъ Егорій Храбрый въ свои палаты бѣлокаменны;
Онъ крестъ держалъ, Егорій, по писанному,
Онъ поклонъ поклонялся до сырой землѣ
Своей матушкѣ Софьѣ, царицы благувѣрныя:
„Здравствуй, родимая, родная матушка,
Софья царица, мать благувѣрная!“
Возговоритъ Егорью родная матушка:
„Ровно три года солнце не пекло
На мои палаты бѣлокаменныя;
Но топерь мнѣ солнце возсіяло
Во моихъ палатахъ бѣлокаменныхъ.“
Онъ началъ, Егорій, просить у матери благословленія:
„Благослови, родимая, родная матушка,
Меня иттить ко злому царю Диклитіанищу.
Отплатить ему дружбу прежнюю,
Отлить мнѣ кровь своего батюшки.“
Возговоритъ Егорью родная матушка:
„Мое дитятко ты премладое,
Гдѣ жъ тебѣ иттить ко злому царю Доклитіанищу?“
Возговоритъ Егорій своей родной матери:
„Благословишь—пойду, и не благословишь—пойду.“
Благословила Егорья родная матушка,
Благословила его святыимъ образомъ.
Выходилъ Егорій изъ палаты вонъ:

Онъ пошелъ, Егорій, на конюшенъ дворъ,
Выводилъ коня Егорій самолучшаго,
И садился свѣтъ-Егорій на коня храбраго.
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій къ царю Диклитіанищу!“
Ну, на той пути, на дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастье великое:
Напущалъ онъ Диклитіанъ на Егорья сѣрыхъ волковъ.
Возговоритъ Егорій звѣрямъ—сѣрымъ волкамъ:
„Разойдитеся вы на всѣ четыре стороны,
По степямъ, по лѣсамъ, по чистымъ полямъ;
Пейте и ѣшьте вы мое повелѣнное,
Егорьево благословенное.“
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу;
Опять на той пути-дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастье великое:
Посреди пути-дороженьки лежитъ тутъ змѣя горюница:
О двѣнадцати змѣя была головахъ,
О двадцати четырехъ хоботахъ.
Тутъ Егорій Храбрый пріужахнулся;
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Жезло булатное и свой вострый мечъ.
Онъ возговоритъ, Егорій, змѣи горюницѣ:
„Отойди, змѣя, ты съ пути долой.“
Предъ нимъ змѣя она попротивилась;
Онъ разсѣкъ змѣю на мелки части,
Самъ поѣхалъ Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу.
Пріѣзжалъ Егорій во Китай-городъ,
Ко тому дворцу, ко царскому,
Закричалъ Егорій своимъ громкимъ голосомъ:
Узналъ царь Диклитіанъ гласъ Егорьевскій.
Выходилъ царь Диклитіанъ на свой на крутой крылецъ;
Онъ поклонъ поклонялся Егорью нализешеньки.
Возговоритъ Егорій царю Диклитіанищу:
„Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
Ты состроишь ли во своемъ градѣ три церквы соборныя“?
Диклитіанъ царь нашему Богу не повѣровалъ,
Онъ беретъ, Егорій Храбрый, свой острый мечъ,
Отрубилъ Егорій Храбрый царю буйную голову,
А онъ ихное все царство беззаконное
Приводилъ во вѣру христіанскую.

IV.

СТИХЪ ОБЪ ОЛЕКСАФІИ.

Посторонъ святаго града Іерусалима
На земли было три царства беззаконныихъ:
Первое царство былъ Содомъ городъ,
А второе царство былъ Гоморъ городъ,
А третье было царство Рахлинское.
На ихнее беззаконіе великое—
Да не могъ на нихъ самъ Господь смотрѣть.
Содомъ и Гоморъ Господь скрозь земли прослалъ,
А на этое третье царство, на Рахлинское
Напущалъ Господь Богъ на нихъ змѣя лютаго,
Давали они со города скотиною
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
И ко пещерскому на прожреніе.
Во градѣ скота у нихъ мало осталося:
Давали они со города по головы,
По головы человѣческой,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Во градѣ людей у нихъ мало оставалося,
Собиралися всѣ жители рахлинскіе
Къ самому оны царю на широкій дворъ;
Метали они жеребьемъ самоволжевымъ
Со самымъ царемъ со Агапіемъ.
Но жеребье царю доставалося
Ко лютому змѣю иттить на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Прикручинился царь и припечалился.
Возговоритъ ему царица рыхлинская:
„Не кручинься, царь, и не печалуйся;
У насъ есть съ тобой кѣмъ замѣнитися;
У насъ есть съ тобой дитя единое:
Она единая дочь не милая;
Она вѣруетъ вѣру все не нашую:

Богу молится она распятому;
Отдадимъ мы Олексафію ко лютому змѣю,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.“
Многой радостью царь изнаполнился,
Приходилъ онъ въ полаты бѣлокамены,
Ко своей ко дщери къ одинокія;
Вызывалъ онъ въ упокой ее во особый,
Уговаривалъ онъ дочь, обманывалъ:
„Ты, прекрасная Олесафія Агапеевна,
Ты вставай-ка, Олесафія, изъ утра ранешенько,
Умывайся, дѣвица, бѣлешенько
И снаряжайся, Олесафія, хорошехонько:
Изъ утра я буду тебя замужъ давать,
Ты въ которую вѣру вѣруешь.“
Срадовалася Олексафія, взвеселилася,
На ложницу она спать не ложилася:
Всю темную ночь она Богу молилася;
Молилася она Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту, Храброму.
Между тѣмъ дѣвицы и утро пришло.
Вставала Олексафія ранешенько,
Умывалася она бѣлешенько,
Снаряжалась она хорошехонько.
Выходила Олексафія на крутой крылецъ,
Взглянула Олексафія на широкій дворъ:
Посреди двора было царскаго—
Тутъ стоитъ корета сама черная,
Припряжены кони неученые.
Посаженъ дѣтина въ платьѣ травурномъ;
Ино тутъ же Олексафія догадалася,
Горячимъ слезамъ она обливалася:
„Не на то меня мать спородила,
Чтобъ отдать меня во свою вѣру;
А на то меня мать спородила:
Отдаетъ меня батюшка ко люту змѣю,
Ко люту змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.“
Повели Олексафію со крута крыльца,

Сажали Олексафію въ корету черную,
Повезли Олексафію ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Выходила Олексафія изъ кореты вонъ,
Садилась Олексафія на крутой берегъ
Ко тому ко морю ко синему.
Уѣзжалъ дѣтина въ платьѣ траурномъ:
Оставалась Олексафіи одинешенька.
На листу у Олексафіи было написано:
Святые ангелы были все, архангелы.
Молилась Олексафія Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту Храброму.
Услышалъ Господь Богъ ея моленье,
Посылалъ Господь Богъ Егорья Храбраго
Для храненія дѣвицы отъ змѣя лютаго.
Пріѣзжалъ Егорій на добромъ конѣ,
Онъ слѣзалъ, Егорій, съ коня храбраго;
Онъ поклонъ воздалъ дѣвицы низешенько:
„Богъ на помочь тебѣ, царская дочь Олексафія!"
Давалъ Егорій Храбрый свой шелковъ поводъ
Олексафіи дѣвицы на бѣлы руки:
„Подержи ты, говоритъ, Олексафія, моего коня,
А больше того смотри сама на сине море:
Когда на морѣ волна будетъ подыматися,
Изъ пещеръ змѣя лютая появлятися;
Ты тогда меня, дѣвица, ото сна сбуди."
Онъ возговорилъ Егорій, а самъ спать уснулъ.
Держала Олексафія коня храбраго,
Больше того смотрѣла на сине море.
На морѣ волна стала колыбатися,
Но тутъ же Олексафія она испугалася,
Горячими слезами она обливается.
Начала дѣвица Егорья ото сна будить;
Не могла она Егорья ото сна сбудить.
Она жалко Олексафія сама росплакала:
Покатились у Олексафіи горючи слезы
На Егорьево на бѣло лице;
Оттого Егорій ото сна возсталъ.
Онъ беретъ свое жезло булатное,

Онъ пошелъ Егорій ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Онъ бьетъ змѣю копьемъ во прожорище:
„Ты будь змѣя и кротка, и смирна;
Ты пей и ѣшь мое повелѣнное,
Олексафіено благословенное.“
Распоясалъ Егорій свой шелковѣ поясъ,
Онъ продѣлъ змѣи насквозь прожорище,
Онъ давалъ Олексафіи на бѣлы руки,
Онъ давалъ, Егорій, самъ наказывалъ:
„Поведиткась, Олексафія, змѣя лютаго
Во свое во царство рахлинское,
Скажи батюшкѣ царю Агапію,
Пущай повѣруетъ вѣру христіанскую,
Пусть сустроитъ онъ три церквы соборныя;
Ежель не повѣруетъ онъ вѣры христіанскія,
Ты пусти змѣю на свою волю,
Потребитъ змѣя ихъ всѣхъ до единого,
Не оставитъ имъ людей на сѣмены“.
Повела Олексафія змѣя лютаго
Во свое царство во рахлинское,
Становилась Олексафія посреди града,
Закричала Олексафія женскимъ голосомъ:
„Ты услышь, мой отецъ, рахлинскій царь!
Ты повѣруишь ли вѣру христіанскую,
Ты сустроишь ли три церквы соборныихъ?
Ежель ты не повѣруешь вѣры христіанскія,
Я пущу змѣю на свою волю,
Потребитъ змѣя васъ всѣхъ до единого,
Не оставитъ вамъ людей на сѣмены.“
Царь со радости онъ вѣры повѣровалъ,
Онъ создалъ свою заповѣдь великую:
„Я сустрою три церквы соборныя:
Церковь Матери Божьей, Богородицы,
Еще Троицы Живоначальныя
И святому Егорью-свѣту Храброму.
Я не разъ Егорью буду въ году вѣровать,
Я не разъ ему въ году—два раза.“

V.

СТИХЪ ПРО БОРИСА И ГЛѢБА.

Востошная сдержавная
Какъ у славныимъ гради у Кееви (*)
А жилъ себѣ Володимеръ князь,
Володимеръ князь Володиміравичь;
Енъ имѣлъ сибѣ двинадцать сыновъ,
Двинадцать сыновъ любезнѣйшехъ;
Только взлюбилъ ёнъ трехъ сыновѣ:
Святова и Глѣба, Бориса,
А третьива Святааполка,
Той имѣлъ сибѣ за большагó сына.
Дѣлилъ грады на три части:
Что Кеевъ градъ, Черниговъ градъ Святому и Глѣбу, Борису
Привдавѣшанъ (**) градъ Святополку.
Святой Полокъ пишетъ листы,
Пишетъ листы къ меньшимъ братьямъ:
„А вы братья, вы и меньшія!
Выѣзжайте въ чистоя поля,
Въ чистоя поля пиръ пировать,
Пиръ пировать, атца паминатѣ".
Бярутъ письмо, сильно плачутъ,
Дабровъ конивъ сидлаивчи,
Въ чистоя поля ваизжаивчи,
Бѣлы шатры расхинаивчи.
Святой Полохъ наѣзжаивчи,
Глѣба ножомъ зарѣзаивчи,
Бариса капіемъ закаляивчи
(Въ) топки болоты отволачаювчи
Подъ гнилу колоду подкладаивчи.
Лижатъ мощи тридцать три года,
Ничаво мощамъ не врядиласи,

(*) Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ варіантахъ или: «Съ восточнаго державія», или «Восточное державіе».

(**) Т. е. самый бѣдненькій градъ. *Прим. пѣвца.*

Ни ятъ солнца ни засохли,
Ни ятъ вѣтру ни завѣтряли,
Ни ятъ дожжу ни сатлѣли.
Святому Глѣбу славу поемъ!
Ва вѣкъ слава яго ни минуитца.
Саздай намъ, Господъ, сяму міру пріукрасный рай!

(Орловск. Губ. Малоарх уѣз. с. Сабурово; пѣлъ Иванъ Кондрашевъ; его выучила монахиня въ Кореаной.)

VI.

СТИХЪ О ПРЕЧУДНОЙ ЦАРИЦѢ.

Ты пречудная царица, Мать Божія-Богородица!
Ты услышь-ка наше моленіе, отъ грѣшныихъ рабовъ твоихъ,
Ты прими наше слезное иногда рыданіе,
Не лиши насъ отъ царствія отъ свово отъ небеснаго
И не предай насъ ко злой муки, ко превѣчныя.
Ай же мука, ты есь мука злая сотворена!
Но не ради насъ этая мука злая превѣчная,
Сотворена злая мука ради діавола
И ради того человѣка многобеззаконнова.
Ты живешь уже, человѣче, на разсудишь о себѣ;
Пора тебѣ будетъ, человѣче, воспокояться,
На истиную путь пора будетъ обратитися.
Призови-ка, человѣче, ты отца къ себѣ духовнаго,
Исповѣдай-ка, человѣче, свои тайные грѣхи,
Но не сколько намъ не жить, всѣмъ намъ умирать будетъ.
Великому нашему всему богатству будетъ здѣсь остатися;
Не друзья, братья намъ отъ смерти не заступщики,
И ни златомъ, ни серебромъ намъ отъ смерти не откупитися,
Слезами намъ отъ смерти будетъ не отплакаться
Если хочешь ты, человѣче, *себѣ* до конца претерпѣть,
Ты взойди же, человѣче, во дальнія во пустыни,
Постригися ты, человѣче, во ризы черныя,
Ты надѣнька, человѣче, на себя схимушку спасеную,
Ты зазри, человѣче, на образа Создателя.
„Создатель нашъ Царь Небесный; онъ есть многомилосливъ:
Онъ, любя человѣка, Господь хранитъ, милуетъ,
Избавляетъ Господь грѣховъ человѣческіихъ мново множество,

Доставляетъ онъ до царствія до сиово до небеснаго,
Онъ проводитъ душу праведную до престола до Господняго"
Скоро намъ будетъ тое времячко злаго антихриста:
Время на три года будетъ и на шесть мѣсяцовъ;
Но не можетъ тогда Царь Небесный на антихриста зазрить,
Онъ сошлетъ Илью пророка съ небесъ на сыру землю,
Тогда будутъ пророки по земли пророковать
И православными христіанами пророки будутъ глаголовать:
„Ай же вы, рабы, православные христіанушки,
Не давайтеся вы лукавому на обманъ антихристу,
Соблюдайте вы свои душеньки ко спасенію,
Ко страшному ко Христовому ко пришествію."
Возъярится тогда сердце у злаго антихриста.
Онъ беретъ злой антихристъ жезло во правую руку,
Онъ ударитъ Илію пророку жезломъ во мезинный перстъ;
Тогда падетъ кровь пророческа на сыру землю;
Отъ той отъ крови, есь буде, отъ пророческой
Загорится наша матушка вся сыра земля:
Она выгоритъ земля на шестьдесятъ локотовъ;
Тогда повѣютъ вѣтра буйные со восточной со страны,
Разнесутся пески желтыи по край матушки земли;
Тогда горы и всѣ озера поравняются,
И всѣ глыбокіе вертепы всѣ позасыплются;
Тогда грѣшные со праведными будутъ различатися:
Праведныя души будутъ взяты на восточной стороны,
А грѣшныя души будутъ взяты на западную страну.
Между ихъ протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,
Со шумомъ она, потечетъ рѣка огненная, со тресканіемъ
И со громомъ потечетъ она, рѣка огненная, со страшнымъ;
Пожжетъ рѣка огненная горы и каменья,
И пожжетъ рѣка огненная всѣ лѣса со звѣрями,
И пожжетъ рѣка огненная весь скотъ со птицами.
Тогда выгоритъ вся земная тварь.
Тогда будутъ престолы поставлятися,
И на престолахъ будутъ книги покладатися,
Всѣ дѣла наши и всѣ грѣхи будутъ обличатися.
Невозможно намъ отъ своихъ злыхъ дѣлъ отперетися.
Тогда сойдетъ къ намъ съ небесъ Судья праведный,
Михайла и Гавріилъ, святые архангелы;
Мы завидимъ, рабы грѣшные, свово Судью праведнаго,

Мы возвопимъ, рабы грѣшные, во многiе голосы:
„Ай же Судья ты нашъ, Боже праведный!
Не лиши ты насъ отъ царства, отъ небеснаго,
Не предай ты насъ ко злой муки ко превѣчныя!“
Возглаголетъ Судья праведный рабамъ грѣшнымъ:
„Я судья къ вамъ посланъ Божья праведная,
Не велѣлъ мнѣ Господь брать съ васъ ни злата, серебра,
Благословилъ мнѣ Господь Богъ разсудить васъ по дѣламъ вашимъ.“
Тогда погонятъ рабовъ грѣшныихъ всѣхъ по мукамъ разнымъ;
Тогда грѣшные пойдутъ со плачiемъ, со рыданiемъ,
А праведные пойдутъ ко царствiю ко небесному:
Оны со радостiю пойдутъ и со веселiемъ.
Тогда страшный судъ весь и кончается.

VII.

ВОСКРЕСЛО НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО.

Воскреснетъ небесный Царь, и вознесется рука Его—
И рука Его да на вышнiи небеса.
Егда будетъ страшный судъ, вострубятъ въ трубы ангелы,
Въ трубы позлащенныя:
Ужаснется вся вселенная; померкнетъ красное солнышко;
Потемнѣетъ свѣтелъ мѣсяцъ;
Падутъ звѣзды на землю, яко листiе со древа;
Престолы поставятся,
Всѣ книги поразгибнутся; дѣла наши прочитаются;
Всѣ грѣхи объявятся.

VIII.

СТИХЪ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО (*).

Достойно есть днесь удивленiя,
Духовному веселiе:
Нынѣ звѣзда на небеси явися

(*) Поется въ Колѣ, между заутреней и обѣдней, дѣтьми, которыя ходятъ по домамъ.

Паче всѣхъ святая: ты предвозвѣщаешь Бога нашего
И на землю проявляеши,
Яко *даждь нарунашъ* наидетъ.
Тако Христосъ смиренный съ небеси снидетъ
И принесетъ пречистую Дѣву Марію.
Родися яко младенецъ,
Пеленами повиванъ;
Горніе чины дивятся
И земнородные человѣчи объ томъ веселятся
И вкупѣ возрадуются.
Ты же, господинъ хозяинъ, повеселися
Успѣхи насладитися!
Тому же господину хозяину пребывати желаемъ,
Отъ всѣхъ васъ торжествуемъ,
Велегласно поздравляемъ!
Изыде звѣзда отъ Іакова,
Свѣтъ возсія отъ Израиля:
Дѣва Бога рожаетъ,
Ангели удивляются,
Персидскіе цари приходятъ,
Рожденному младенцу даръ приносятъ;
Тотъ же Богъ съ небесъ нисходитъ
И въ небесныя возводитъ.
За тѣмъ будь здравъ, господинъ хозяинъ,
На многія лѣта!
Многая лѣта—многая радость
Во всемъ мірѣ нынѣ намъ явися.
Богъ, Царь славы, отъ Дѣвы Маріи
Въ вертепѣхъ родися!
Тому же ангели на небеси зѣло дивятся —
Земнородный человѣцъ о томъ веселится.
Мы же тако вопіемъ Вышнему Творцу:
Слава въ вышнихъ Богу:
Мы же вопіемъ: торжествуйте!
Ликовствуйте!
Хвалу Богу дайте,
Воспѣвайте,
Взыграйте!
Даетъ вамъ Богъ, господамъ, госпожамъ,
Господиновымъ женамъ,

Во всемъ вкупѣ здравствовать!
Виватъ, виватъ, многая лѣта!
Веселися здѣсь! Благодать весь день!
Хвалу Богу пѣти нашему полу на звѣзды.
Ангелъ пастырямъ возвѣстилъ
Нарожденнаго Бога нашего,
Царь же Иродъ всѣхъ возвѣстилъ
Младенцовъ побилъ.
Били-билися,
Сѣкли и ругалися
Яко убивцы,
Злы разбойницы!
Кричатъ дѣтки, плачутъ матки,
Яко насмѣшницы
Да отъ нихъ персей отрывали,
И рубили ихъ,
И топтали ихъ.
Съ матерями вопрошали, жалко всплакались.
Тамо слезы проливали,
Жалобы матки,
И собою дѣтки!
Лежитъ воронъ крови на поляхъ снатки.
Матки ручки заломили,
Волосы дерутъ,
Умираютъ.
Съ неба гласы испущались,
Сердечно ревутъ.

(Кола; зап. *С. В. Максимовъ.*)

IX.

СТИХЪ О ВЕЛИКОМЪ СТРАШНОМЪ СУДѢ.

Жили мы, грѣшные, на вольномъ на свѣту.
Не имѣли мы ни середы, ни пятницы,
Во божію мы церкву не хаживали,
Со желаніемъ Господу не маливались,
На свои мы на грѣхи не надѣялись,
Евангельской мы книги не прослушивали,

Что было во святомъ евангельи написано, напечатано;
Мы страху Христова не устрашивали.
Были у Христа поразсужены дѣла:
Гдѣ быть ворамъ, гдѣ разбойникамъ,
Суетницамъ и клѣветницамъ и ябедникамъ:
Ворамъ-разбойникамъ быть въ огненной рѣкѣ,
Суетницамъ, клеветницамъ на висилицѣ.
Кто же у насъ во плоти взятъ во Христа?
Во плоти взятъ во Христа Илья Божій пророкъ:
Илья, Божій пророче, во пустынѣ прохаживалъ—
И много муки совидалъ;
Видѣлъ муку, видѣлъ рай, страсти божецкія,
Показалъ Илья намъ видѣть муку и рай,
Чѣмъ намъ душеньку спасти и чѣмъ въ рай взойти:
Спасти душу постами, молитвами,
И низкимъ полуночнымъ поклономъ;
Въ рай взойти святой милостыней
Да отъ своихъ трудовъ праведныихъ.
Со всходу праведнаго солнца пышаетъ огонь съ земли до небеси,
Протечетъ рѣка намъ огненная,
Возойдетъ Михайло Архангелъ на Сіонскую гору;
Затрубятъ трижды въ небесную трубу.
Тогда всѣ мертвые отъ гроба встанутъ,
И праведные рабы по правой стороны.
Переводитъ Архангелъ Михаилъ праведныхъ чрезъ огненную рѣку,
Ко нашему Авраамію, къ отцу праведному,
И приводитъ онъ ихъ ко царству небесному.
Идутъ праведные черезъ огненную рѣку,
Идутъ они по воды какъ по суши;
Огонь ихъ, поломя, не пожеретъ;
Поютъ они стихи херувимскіе,
Величаютъ они самого Христа, Царя небеснаго,
Еще матерь Пресвятую Богородицу.
Грѣшные, беззаконные рабы,
Они сами-то къ Михайлѣ приближаются,
Золотой казной спосуляются:
„О, свѣтъ грозенъ нашъ Михайло, судья праведный!
Переправь насъ грѣшныхъ черезъ огненну рѣку,

Приведи насъ ко царству небесному,
Ко нашему Авраамію, отцу праведному;
Возьми съ насъ золота и серебра
И сильно наше имѣнье и богатство." (*)
Отвѣчалъ имъ Михайло Архангелъ, судья праведный:
„Ахъ вы грѣшные, беззаконные рабы!
На что же вы ко мнѣ приближаетесь
И золотой казной своей спосуляетесь:
Есть здѣсь судья, неподкупная душа,
Я здѣсь судья съ Богомъ праведная.
Не надобно намъ ваше злато, серебро,
Ни силья, ни имѣнья ваше, ни богатество;
А намъ надобно здѣсь душевное спасеніе.
Помните-ль, какъ вы жили на вольномъ на свѣту?
Были у васъ церкви божественныя,
Во церквахъ было у васъ понаписано,
Во святомъ евангельи напечатано:
Вы того писанія не прослушивали,
На свои вы на грѣхи не надѣялись.
У васъ были судьи неправедные,
Судили вы суды не по праведному,
Праваго вы раба виноватили,
Виноватаго раба ставили праведнымъ;
Вы брали съ нихъ казну несчисле́нную
И съ праваго и съ виноватаго,
Клали вы казну во сыру землю,
Сырой матери земли не вызнаполнили,
Своимъ душамъ мѣста не уготовили:
Идите, грядите въ рѣку огненную."
Идутъ, грядутъ души грѣшныя;
Во огонь онѣ во поломя бросаются,
Тѣлеса на себѣ, власа обрываютъ,
Отца своего, матерь проклинаютъ!
„На что насъ отецъ съ матерью спородили,
На эти на муки на разныя?
Не терпѣли бъ мы злой муки превѣчныя,
Не слыхали бъ мы слова грознаго

(*) И силья (селенія?), имѣнье и богатство.

От самого Христа, Царя Небеснаго,
От Михайла Архангела, судьи праведнаго!"
Мы грозному Михайлу славу поем,
Всѣм добрым людям на память даем.

X.

СТИХ ПРО ДУШУ ВЕЛИКОЙ ГРѢШНИЦЫ.

По морю, по синему, по Хвалынскому
Тут ишли, пробѣгали через карабли.
Во этых кораблях святые ангели сидят,
На стрѣчу им сам Iисус Христос, сам Небесный Царь,
Стал он в ангелах выспрашиват и выспытыват:
„Святые ангели, архангели, гдѣ вы хаживали, гдѣ гуливали,
Что слышивали, что виживали?
Сам Iисус Христос, сам Небесный Царь!
Мы хаживали на вольном на свѣту,
Много слышали, много видѣли,
Как душа с бѣлым тѣлом разставалася,
Разставши душа, сама прочь пошла
И отошедши, душа взворотилася,
Со своим с бѣлом тѣлом попростилася:
Ты прости тѣло бѣлое мое,
Прости беззаконiе мое.
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червам тѣло на источенiе.
Вы кости земли на преданiе,
А я, душа, к самому Христу на спокаянiе.
На стрѣчу души сам Iисус Христос:
Почему же ты, душа грѣхи угадываешь?
Потому я, душа, грѣхи угадываю,
Что я жила на вольном на свѣту,
Середы и пятницы не пащивалась,
Великаго говлѣнiя не гавливалась,
Заутрени, вечерни просыпывала я,
В воскресный день обѣдни прогуливала.
В подюшках душа много хаживала,
Не по праведну землю раздѣливала:
Я межку через межу перекладывала,

Съ чужой нивы земли украдывала.
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась,
И отцу духовному не сказывала,
Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
Еще душа Богу согрѣшила:
Не по праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Въ соломахъ я заломы заламывала (*),
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ поляхъ, душа, много хаживала,
Проворы въ поляхъ пораскладывала,
Скотину въ поле понапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повыстравливала,
Я добрыхъ людей оголаживала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣщила:
Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала (**).
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Смалешеньку дитя своего проклинывала,
Во бѣлыхъ во грудяхъ его я засыпывала,
Въ утробы младенца запорчивала,
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По улицамъ душа много хаживала,

(*) Заломомъ называется особый видъ колдовства: связываютъ на корню узломъ рожь или на чью-нибудь голову, или чтобъ вынуть *спорынью* изъ хлѣба.

(**) Тоже, особый видъ колдовства. Дѣлаютъ на зло кому-нибудь, чтобъ корова не давала молока.

По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу: слышала,
Хоть не видѣла, скажу: видѣла;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По игрищамъ душа много хаживала.
Подъ всякія игры много плясывала,
Самого сатану воспотѣшивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Напилася душа зеленаго вина,
Отъ зеленаго вина душа пьяна была;
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ попа, безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преисподній адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

XI.

СТИХЪ О ВОЗНЕСЕНІИ ХРИСТОВѢ.

На шестой было на недѣлѣ,
Въ четвергъ у насъ праздникъ Вознесенія:
Вознесся самъ Христосъ на небеса,
Со ангелами и со херувимамъ,
И со своей со небесной силой;
А нищіи Господа молили,
Много у Христа милости просили:
„Владыка Христосъ Царь небесный!
Вознесешься ты, Царь, на небесы,
Со ангелами и со херувимамъ,
И со своей со небесною силой,
Ино кто насъ поить, кормить будетъ,
И кто обувати насъ и одѣвати,

За что намъ Мать Божію величати,
И Тебя, Христа Бога, прославляти?“
Речетъ имъ Христосъ, Царь Небесный:
„Не плачьте мое меньшее братіе,
Дарую я вамъ гору золотую,
И пропущу я вамъ рѣку медовую
Имѣйте златой горой владѣти,
Промежду собою раздѣляти.“
Речетъ имъ Иванъ Архіепискупъ:
„Владыко Христосъ Царь Небесный!
Не возьми мое слово въ досаду:
Не оставляй своей нищей братіи
Эты горы золотыя.
Естьли пожертвуешь имъ гору золотую,
Наѣдутъ къ нимъ сильные люди,
И найдутъ къ нимъ немилосливыя власти,
Отоймутъ у нихъ гору золотую,
Помрутъ нищіи голодною смертью,
И позябнутъ холодною зимою.
Оставь ты своей меньшей братіи
Свое имячко Христово:
Пойдутъ нищіе по земли ходити,
Твое имя святое возносити,
Ино кто есть вѣрный христіанинъ,
Онъ ихъ пріобуетъ и пріодѣнетъ:
Ты даруй ему нетлѣнную ризу;
А кто ихъ хлѣбомъ-солью напитаетъ,
Даруй тому райскую пищу;
Кто ихъ отъ темной ночи оборонитъ,
Даруй въ раю тому мѣсто.
Кто имъ путь-дорогу указуетъ,
Незаперты въ рай тому двери.“
—„Благодарю тебя, Иванъ Архіепискупъ,
За твои за рѣчи дорогія,
Дарую уста тебѣ золотыя,
Въ году тебѣ праздники честныи,
Во имя Ивана Златоуста“.
Мы славимъ тебя. Христа Бога.

XII.

О ДМИТРІѢ СЕЛУНСКОМЪ.

Сопущалися съ небесь два ангела, два архангела
Ко Димитрію Селунскому, свѣту чудотворцу
„Ой еси нашь батюшка Димитрій Селунскій чудотворецъ!
„И хочутъ твой градъ весь повызорить,
„И всѣхъ людей твоихъ повыгубить,
„И Божіи домы на дымъ спустить.“
Отвѣчаетъ Димитрій Селунскій свѣтъ чудотворецъ:
„И не дамъ свой городъ я повызорить
„И не дамъ своихъ людей всѣхъ повыгубить
„И Божіи церкви на дымъ спустить.“
И отколь взялся Мамай безбожный, невѣрный
Невѣрный,нечестивый и принималъ онъ силы многомножество
Увидалъ Димитрій Селунскій свѣтъ чудотворецъ:
Имаетъ онъ себѣ доброго коня
И покидаетъ онъ ковры сорочинскіе
Беретъ онъ копіе булатное
И сколько онъ копьемъ колетъ,
А вдвое, втрое конемъ топчетъ.
И пригубилъ онъ силушки много множество,
Три тьмы, три тьмы и четыре тысячи;
И только Мамай невѣрной, нечестивый барышу получилъ—
Двухъ русскихъ сестеръ во полонъ залучилъ,
Увозилъ онъ къ себѣ да во полатушки:
„Ой вы гой еси двѣ русскія сестры полоняночки!
„Вы скажите мнѣ про могучаго богатыря?
„Какой есть у васъ могучій богатырь?
Сколько онъ у меня силушки погубилъ
Выпишите мнѣ и вырисуйте мнѣ на коврѣ на шолковомъ.
Онѣ пишутъ и рисуютъ съ утра и до вечера,
Со вечера да до полуночи,
Со полуночи, горько плачася, Богу молятся,
На коверъ онѣ спать ложилися:
„Ужь ты гой еси, батюшка Димитрій Селунской свѣтъ, чудотворецъ нашъ!

„И не прогнѣвайся на насъ на грѣшныхъ здѣсь
„И не изъ волюшки пишемъ изъ подъ неволюшки“.
Онѣ легли да всѣ и заснулися
И поднималася вьюга, падора
Подымалося со полотъ верхи
Выносило-то двухъ русскихъ-то сестеръ да полоняночекъ
И уносило во Димитрію Селунскому свѣту чудотворцу да во Божью церкву.
По утру онѣ да пробудилися,
Димитрію Селунскому да помолимся:
Онѣ очувствовались да у Димитрія Селунскаго
Во Божьей церкви.

Сообщено *А. Григорьевымъ.*

XIII.

СТИХЪ О ЛАЗАРѢ.

I.

Живалъ-себѣ славенъ на вольномъ свѣту,
Пивалъ, ѣдалъ сладко, носилъ хорошо,
Дорогія одежды богатъ надѣвалъ,
Про милость про Божію богатъ не давалъ.
А былъ у богатаго убогій Лазарь,
Онъ скорбенъ, болѣзненъ, онъ весь во гною.
Восползетъ убогій къ богачу на дворъ,
Воскрикнетъ убогій громкимъ голосомъ:
„Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Ты выслушай, братецъ, прошенье мое,
Сотвори мнѣ, братецъ, милостыню,
Про милость про Божью напой, накорми;
Не я тебѣ, братецъ, за то заплачу;
Заплатитъ богатому Господь съ небеси“.
Какъ слышалъ богатый въ своемъ терему,
Выходилъ богатый на красно крыльцо,
За нимъ выходили все рабы его,
За нимъ выносили все медъ и вино.
То чаялъ богатый гостей къ себѣ въ домъ,
Чаялъ: „мои гостики возлюбленные“

А ижно убогій стоялъ у крыльца.
Какъ крикнулъ богатый громчѣе того:
„Ахъ ты смердинъ, смердинъ, смердящій ты сынъ,
Да какъ же ты смѣешь къ окну подходить?
Да какъ же ты смѣешь братомъ называть?
У меня брата Лазаря въ роду не было,
Такой хворо̀бы слыхомъ не слыхалъ.
Есть у меня братія, получше тебя:
У кого много злата, больше серебра,
Тѣ — и моя братія возлюбленная.
А вонъ твои братья, два лютые пса—
Тѣи твоя братія получше меня“.
Речетъ же убогій брату своему:
„Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Напрасно, мой братецъ, отперся меня,
Напрасно, родимый, отъ рода своего;
Одна насъ съ тобой матушка на свѣтъ родила,
Одинъ-то насъ батюшко вспоилъ, воскормилъ,
Неровною долею Господь надѣлилъ:
Тебя надѣлилъ все богачествомъ,
Меня надѣлилъ все убожествомъ.
Спохватишься, братецъ, да не во̀ время,
Вспокаешься, родимый мой — возврату не быть“.
„Да чѣмъ же, убогій, ты сталъ мнѣ грозить,
А я не боюся, ничѣмъ ничего,
А я не блюдуся никѣмъ никого.
Бѣда ко мнѣ придетъ — казной откуплюсь;
Отъ вора, разбойника ружьемъ отобьюсь,
Отъ нищей отъ братіи ворота запру.
Подите, рабы мои, спихните съ двора,
Спустите, рабы мои, два лютые пса,
Пускай его псы тѣ терзаютъ всего“.
Не стали же псы его ни рвать, ни терзать,
Понюхали псы его, сами прочь пошли;
Святымъ Духомъ Лазарь, онъ сытъ пребывалъ,
Святымъ Духомъ Лазарь ничѣмъ невредимъ;
Какъ началъ убогій молитву творить,
Какъ началъ убогій Христа величать:
„Господи, Владыко, Спасъ милостивый!
Выслушай Ты, Господи, молитву мою,

Все мою молитву неправедную,
Сошли мнѣ, Владыко, грозныхъ Ангелей
По мою по душеньку, по Лазареву.
Какъ я жилъ убогій, на вольномъ свѣту,
То-то моя душенька намучилася;
И голода, холода всего приняла:
Всякой она скверности навидѣлася,
Создай мнѣ, Владыко, горчѣе того!"
И самъ Господь выслушалъ молитву его,
Молитву его все праведную;
Ссылаетъ Богъ святыхъ Ангелей
Тихихъ и смирныхъ, двухъ милостивыхъ.
Какъ святые Ангели солетывали,
Вынимали душеньку все Лазареву,
Честно и хвально въ сахарны уста,
Посадили душеньку-то на пелену,
Понесли они душеньку-то на небеса,
Отдали душеньку къ Абрамію въ Рай.
Будетъ у богатаго почетный пиръ
Про свою про братію возлюбленную;
Выходилъ богатый въ зеленъ садѣ гулять.
Не успѣлъ богатый двора перейти,
Не успѣлъ богатый въ саду погулять,
Не успѣлъ богатый чары выкушать,
Придетъ на богатаго люта хворьба,
Вся Божія немочь уродливая:
Подыметъ богатаго вельми высоко
Ударитъ богатаго о сыру землю;
Отбило у богатаго умъ и разумъ;
Не вспомнитъ богатый житія своего.
Не узрѣлъ богатый жены и дѣтей.
Какъ видитъ богатый бѣду надъ собой,
Взираетъ богатый-то на небеса.
Какъ началъ богатый молитву творить,
Какъ началъ богатый Христа величать:
„Господи, Владыко, Спасъ милостивый!
Выслушай ты, Господи, молитву мою,
Создай Ты мнѣ, Господи, святыхъ Ангелей.
Тихихъ и смирныхъ, двухъ милостивыхъ.
Какъ я жилъ богатый на вольномъ свѣту,

Много имѣлъ злата, больше серебра,
А больше того было цвѣтнаго платья.
Создай мнѣ, Владыко, получше того".
А самъ Господь выслушалъ молитву его,
Молитву его неправедную.
Ссылаетъ Господь Богъ грозныхъ Ангелей,
Грозныхъ и страшныхъ, немилостивыхъ.
Какъ грозные ангелы солетывали,
Они грудь у богатаго разламывали,
Скипетромъ душеньку вынимывали.
Вынули душеньку въ кровавы уста,
Посадили душеньку на востро копье,
Понесли они душеньку крутя и вертя,
Вкинули душеньку въ кипимый огонь.
Молился богатый день до вечера;
Не взможетъ богатый муки истерпѣть;
Взираетъ богатый изъ муки на Рай;
Какъ видитъ богатый Абрама въ Раю,
А возлѣ Абрамія брата Лазаря.
Воскрикнулъ богатый громкимъ голосомъ:
„Милостивый братецъ убогій Лазарь!
Выступи, братецъ, изъ Раю ты вонъ,
Ты поди, родимый мой, на сине море.
Помокни ты, братецъ, мизинный свой перстъ,
Покропи мнѣ, братецъ, кровавы уста.
Не дай сударь, братецъ, въ огнѣ исгорѣть,
Не дай мнѣ, родимый мой, въ смолѣ искипѣть."
Речетъ же убогій брату своему:
«Милостивый братецъ богатый Лазарь,
А теперь намъ, братецъ, не своя воля,
Какъ мы жили-были на вольномъ свѣту.
Чѣмъ же погасишь кипимый огонь?
Гдѣ же твое, братецъ, злато, серебро?»
— „Милостивый братецъ, убогій Лазарь!
Злато мое серебро землей пожрало,
Все мое имѣніе прахомъ взялось,
Всѣ мои товарищи разъѣхалися,
Всѣ друзья, пріятели отрѣкалися,
Рабы мои вѣрные разно всѣ пошли,
Остался я, братецъ, одинъ во грѣхахъ."

—„Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Помнишь ли ты, братецъ, помятуешь ли,
Какъ мы жили были на вольномъ свѣту;
Ты нищую братію па дворъ не впущалъ,
Ты босаго, нагаго не обулъ, не одѣлъ,
Отъ темной отъ ноченьки ты не укрывалъ,
Съ широка подворья ты не провожалъ,
Пути и дороги ты не указалъ,
Вдовицъ и сиротъ ты не сберегалъ,
Въ тюрьму, въ богадѣльню ты не подавалъ,
До Божіей церкви ты не доходилъ,
Отца ты духовнаго ты не почиталъ,
Меня, брата Лазаря, братомъ не звалъ,
Меня, брата Лазаря, въ роду не имѣлъ.“
—„Милостивый братецъ, убогій Лазарь!
Чего ты мнѣ, братецъ, давно не сказалъ
Про муку про злую, преувѣченную?
Кабы зналъ я, вѣдалъ, не то бы творилъ,
Я бъ нищую братію поилъ и кормилъ,
Босаго и нагаго обулъ бы, одѣлъ,
Отъ темной отъ ночи всегда бъ укрывалъ,
Съ широка подворья всегда бъ провожалъ,
Путь бы я дорогу всеё бъ указалъ,
Вдовицъ бы, сиротъ я въ дому сберегалъ,
Въ тюрьму, въ богадѣльню всегдабъ подавалъ,
До Божіей церкви всегда бъ доходилъ,
Отца бы духовнаго всегда уважалъ,
Тебя, брата Лазаря, братотъ называлъ,
Тебя, брата Лазаря, въ роду бы имѣлъ,
Имѣлъ тебя, братецъ, какъ душу свою,
Какъ бы свою душеньку во бѣломъ тѣлѣ.“
Спохватился Лазарь, да не во время.
Вскаялся богатый — возврату не быть.
Какъ съ небесъ ангели солетывали,
Они на землю ликовали,
Убогому Лазарю славу поютъ.

Москва.
Зап. *А. А. Григорьевъ.*

II.

СТИХЪ О ДВУХЪ ЛАЗАРЯХЪ.

Жили то были два братца,
Два братца, два Лазаря,
Что одна ихъ матушка спородила,
Не однимъ ихъ Господь Богъ счастьемъ надѣлилъ:
Что большого-то Лазаря тьмою животомъ и богачествомъ его,
А малаго-то Лазаря святымъ кошелемъ.
Заводилъ богатый Лазарь пиръ,
Собралъ онъ Лазарь князей и бояръ и пестрыхъ властей
А малой-то Лазарь пошелъ по милостину къ нему:
„Подай, сотвори святую милостыню
„Братецъ мой, братецъ, братецъ родной!“
„„Какой ты мой братецъ, какой ты мой родной?
„„Есть у меня брателко каковъ я самъ““.
Отсылаетъ онъ брателко отъ себя его роднаго
Толкаетъ, пинаетъ, съ крыльца провожаетъ
Съ крыльца провожаетъ, кобелей потравляетъ
Усть-е, возмите борзы кобельё,
Борзы кобели ему радуются
Кровавыя раночки зализываютъ;
Выбросилъ онъ Лазаря на навозъ.
Взмолился онъ, Лазарь, Господу Богу:
„Создай мнѣ Господи скорую смерть,
„Скору, крылату немилостиву,
„Выняло бы душеньку нечестно, нехвально, сквозь правое ребро,
„На бѣломъ она свѣтѣ налѣнствовалась,
„Тѣло мое бѣлое нанѣжилося.“
Услышалъ его Господи молитву его:
Посылаетъ онъ скорыхъ ангелей,
Скорыхъ, крылатыхъ и милостивыхъ:
Выньте его душеньку и честно и хвально и въ сахарны уста
Положите его душеньку на пелены
Поднимите душеньку на небеса
Положите душеньку въ пресвѣтлый рай.
И просилъ его брателко, свѣтъ родной:
„Создай мнѣ Господи скорую смерть,

„Скору, крылату и милостиву:
„Выняло бы душеньку въ сахарны уста
„Положило бъ душеньку на пелены
„Подняло бы душеньку на небеса
„Положило бъ душеньку въ пресвѣтлый рай,
„На бѣломъ она свѣтѣ намаялася,
„Тѣло мое бѣлое настранствовалось“.
Услышалъ Господь Богъ молитву его:
Посылаетъ къ нему Господи двухъ ангелей,
Двухъ крылатыхъ и немилостивыхъ:
„Выньте его душеньку сквозь лѣвое ребро
„Положите душеньку на острое копье
„Поднимите душеньку вверхъ высоко
„И бросьте его душеньку въ таръ-тарары
„На бѣломъ она свѣтѣ напьянствовалась
„И тѣло ее бѣлое изнѣжилося.“
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сообщено *А. Григорьевымъ.*

IV.

О ѲЕДОРѢ ТИРОНѢ.

Во святѣ градѣ Константиновѣ
Было богомолье великое,
Молился царь Константинъ Сауйловичъ
У честныхъ у заутреней,
У святыхъ у молебеновъ.
Отходила честная заутреня,
Царь Константинъ Сауйловичъ
Онъ будетъ посреди двора царскаго.
Издалеча изъ чиста поля
Не люта змѣя вывивалася,
Вывивалася, выстилалася
Ровна стрѣлочка каленая
Ложилася калена стрѣла
Посреди двора царскаго
У ноги у царскія,

У руки у правыя
А на стрѣлочкѣ была-была грамотка,
На грамоткѣ было написано
Отъ царя іудейскаго,
Отъ его силы жидовскія—
Жидовскія, бусарманскія:
Гой ты царь Константинъ Сауйловичъ,
Ты давай намъ супротивника
Супротивъ меня, царя іудейскаго,
Супротивъ моей силы жидовскія—
Жидовскія, бусарманскія,
Очищай землю святу русскую!
Царь Константинъ Сауйловичъ,
Съ того государь задумался—
Задумался, запечалился,
Повѣсилъ головушку буйную,
Посупилъ очи ясныя
Самъ во матушку во сыру землю,
Самъ возговорилъ таково слово:
Ужь вы гой еси, вы князьё, бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христіане православные!
А еще кто пойдетъ, побьетъ царя іудейскаго
Его силу жидовскую,—
Жидовскую, бусурманскую,
Кто очиститъ землю святу русскую,
Тотъ избавленъ будетъ муки вѣчныя,
Наслѣдникъ будетъ царства небеснаго.
Да никто ему словечушка не проговоритъ,
Большой бояринъ хоронится за меньшаго,
Меньшаго не видѣти изъ-за большаго,
Только по двору по царскому,
По крылечушку по красному
Ходитъ, гуляётъ младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Всего ему отъ роду двѣнадцать лѣтъ.
Самъ возговорилъ таково слово:
Государь родимый батюшка,
Еще царь Константинъ Сауйловичъ!
Благослови меня, сударь батюшко,

Спасовымъ образомъ.
Матерью пресвятою Богородицей
Еще Троицею нераздѣльною:
Я пойду побью царя іудейскаго,
Его силу жидовскую —
Жидовскую, бусурманскую,
Я очищу землю святу русскую.
А царь Константинъ Сауйловичъ,
Онъ горючими слезами заливается,
Самъ возговорилъ таково слово:
Ай горе! чадо милое
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
На боехъ чадо не бывывалъ,
Сбрую ратною не влаживалъ,
Изъ крѣпка лука не стрѣливалъ,
Калены стрѣлы не кладывалъ.
На кого, чадо, надѣешься,
Держишь надежду великую?
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Самъ возговорилъ таково слово:
Государь родимый батюшка,
Еще царь Константинъ Сауйловичъ!
Я надѣюсь, сударь батюшка,
Я на Спаса на пречистаго,
Я на матушку пресвятую Богородицу,
Я на Троицу нераздѣльную,
На твое благословеніе великое,
Только было бы твое благословеніе великое.
Онъ царь Константинъ Сауйловичъ
Восходилъ въ церковь соборную,
Поднималъ иконы мѣстныя,
Служилъ молебны заздравные.
Благословилъ его сударь-батюшко
Спасовымъ образомъ,
Матерью пресвятой Богородицей,
Еще Троицей Нераздѣльною.
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Восходилъ на конюшню дубовую,
Выбиралъ коня что есть лучшаго,

Сѣдлалъ сѣдлечко черкасское
О двѣнадцати подпружинахъ,
Не ради красы молодецкія,
Ради крѣпости богатырскія.
А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ беретъ сбрую ратную,
Копье булатное,
Палицу желѣзную,
Еще крѣпкій лукъ о двѣ стрѣлы каленыя,
Садится онъ на добра коня,
Поѣзжалъ по граду Константинову.
Подъ нимъ добрый конь подымается
Черезъ ту стѣну бѣлокаменну,
Какъ ясенъ соколъ полетѣлъ по поднебесью,
Выѣзжалъ далече во чисто поле,
Становился супротивъ царя іудейскаго,
Супротивъ его силы жидовскія —
Жидовскія, бусурманскія.
Онъ и бьется съ царемъ по первый день,
Онъ и бьется съ царемъ по второй день,
Онъ и бьется съ царемъ по третій день,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи,
Побивалъ царя іудейскаго,
Его силу жидовскую
Жидовскую, бусурманскую,
Обливала его кровь жидовская —
Жидовская, бусурманская,
Не по колѣни, не пò пòясъ,
По самыя груди бѣлыя.
Молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ —
Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
„Ужь ты, матушка, сыра земля,
Разступися на четыре на четверти
На всѣ на четыре на стороны,
Ты пожри въ себя кровь жидовскую —
Жидовскую кровь, бусурманскую.
По Божію изволенію.
Разступалася мать сыра земля

На четыре на четверти.
Прожирала въ себя кровь жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую,
Царя іудейскаго.
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую,
Поѣзжалъ по граду по Константинову,
Подъ нимъ добрый конь спотыкается,
Самъ онъ на конѣ сидитъ-шатается.
Какъ завидѣлъ его сударь-батюшко
Еще царь Константинъ Сауйловичъ,
Самъ возговоритъ таково слово:
Ужь вы гой есте князья-бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христіане православные!
Восходите скоро въ церковь соборную,
Поднимайте иконы мѣстныя,
Служите молебны заздравные,
Встрѣчайте младенца во чистомъ полѣ,
Ему бейте челомъ, поклонитеся
По двѣнадцати земныхъ поклоновъ,
По сороку до поясу.
За него святое умоленіе
За него честное притерплѣніе.
Князья-бояре его слушали:
Восходили скоро въ церковь соборную,
Поднимали иконы мѣстныя,
Служили молебны заздравные,
Стрѣчали младенца во чистомъ полѣ,
Ему били челомъ, поклонялися
По двѣнадцати земныхъ поклоновъ,
По сороку до поясу.
За него святое умоленіе
За него честное притерпленіе.
А младый человѣкъ Өедоръ Тиронъ
Взъѣзжалъ на широкій, на царскій дворъ.
Встрѣчаетъ его сударь батюшко,
Еще царь Константинъ Сауйловичъ;
Его родимая матушка

Приняла его съ добра коня,
Повела въ палаты бѣлокаменны,
Посадила подъ иконы мѣстныя,
За столы за дубовые,
За скатерти за браныя,
За питья за медвяныя,
За ѣствы за сахарныя;
Понесла ему первую ѣствицу...
Изъ-за первой изъ-за ѣствицы
Завидѣла коня потнаго,
Повела поить на синё море,
На ту воду, на студеную,
Обмывати крови жидовскія,
Жидовскія, басурманскія.
Гдѣ ни возьмется, тамо лютый змѣй,
Лютый змѣй, люто-огненный,
Ухватилъ его родимую матушку
Онъ во челюсти во змѣиныя,
Унесъ ее за синё море,
Во тѣ пещёры, въ горы бѣлокаменны,
Ко двѣнадцати, ко змѣёнышамъ,
На ту муку на змѣиную.
Ахъ, что за горе великое!
Выбѣгаетъ его добрый конь
На широкій, на царскій дворъ,
Прорѣщитъ его добрый конь
Человѣческимъ языкомъ:
«А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ!
Что ты пьешь, ѣшь, что тѣшишься,
На себя-то бѣды не чаешься,
Какъ твоя родимая матушка,
Ради тебя дождалася,
Ради тебя доглядѣлася!
Понесла тебѣ первую ѣствицу,
Изъ-за первой изъ-за ѣствицы
Завидѣла меня, коня потнаго,
Повела поить на синё море,
На ту воду на студеную,
Обмывати крови жидовскія,
Жидовскія, бусурманскія.

Гдѣ ни возьмется тамо лютый змѣй,
Лютый змѣй, люто-огненный,
О двѣнадцати хоботовъ,
Ухватилъ твою родимую матушку
Онъ во челюсти во змѣиныя,
Унесъ ее во синё море
Ко двѣнадцати ко змѣёнышамъ
На ту на муку на змѣиную».
Ахъ, ты горе́ великое!
А младый человѣкъ Θедоръ Тиронъ,
Что̀ въ устахъ было, то̀ проглотилъ,
Что̀ въ рукахъ, то̀ такъ пустилъ;
Восходитъ скоро въ церковь соборную,
Онъ беретъ съ собой слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангелье,
Онъ беретъ съ собой сбрую ратную,
Копье булатное,
Саблю вострую, палицу желѣзную,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены;
Онъ приходитъ къ морю синему,
Становился на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Онъ читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангельё;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слова не вымолвитъ.
Гдѣ ни возьмется тамо китъ рыба,
Прорѣщитъ та китъ рыба
Человѣчьимъ языкомъ:
«А младый человѣкъ Θедоръ Тиронъ!
Ты поди по мнѣ, по китѣ рыбѣ,
Яко по мосту, яко по суху,
Выручи свою родимую матушку
Изъ тоё муки змѣиныя,
Отъ двѣнадцати отъ змѣёнышей».
А младый человѣкъ Θедоръ Тиронъ
Переходитъ море синёе,
Становится на крутомъ, красномъ бережочкѣ,
Читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангельё,
Во слезахъ письма не видитъ,

Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Завидѣла его родимая матушка
Изъ тоё изъ муки изъ змѣиныё,
Отъ двѣнадцати отъ змѣёнышей,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
«Ой, дитятко, съ тобою мы погибнули,
Родимое, съ тобой погибнули!»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово Божіе,
Со мною сбруя ратная,
Копье булатное;
Сабля вострая, палица желѣзная,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены».
А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены;
Онъ стрѣлялъ въ двѣнадцать змѣёнышей,
Побивалъ двѣнадцать змѣёнышей;
Выручилъ свою родимую матушку
Изъ тоё изъ муки змѣиныя
Отъ двѣнадцати змѣёнышей;
Онъ посадилъ ее на головку на тяжелую,
Понесъ ее къ морю синему.
Его родимая матушка
Назадъ себѣ оглянулася,
Завидѣла змѣя лютаго,
Люта змѣя, люта-огненна,
О двѣнадцати хоботовъ,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
«Ой, дитятко, съ тобой мы погибнули,
Родимое, съ тобой погибнули!»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,

Со мною слово Божіе,
Со мною сбруя ратная,
Копье булатное,
Сабля вострая, палица желѣзная
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены,
Онъ стрѣлялъ супротивъ змѣя лютаго
Люта змѣя, люта, огненна
О двѣнадцати хоботовъ,
Вышибалъ ему сердце со печенью;
Обливала его кровь змѣиная
Не по колѣно, не по поясъ,
По самы груди бѣлыя.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
—Ужь ты матушка мать сыра земля
Разступися на четыре четверти
На всѣ на четыре стороны!
Ты пожри въ себя кровь змѣиную! —
По Божію изволенію.
Разступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Пожирала въ себя кровь змѣиную.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую
Приходилъ ко синю морю,
Становился на крутомъ красномъ бережечкѣ,
Читаетъ слово Божіе
Святу честну книгу Евангельё;
Во слезахъ письма не видитъ
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Гдѣ не возьмется та же китъ рыба,
Прорѣщитъ китъ рыба
Человѣчимъ языкомъ;
«А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Ты поди по мнѣ по китѣ рыбѣ,
Яко по мосту, яко по суху

Понеси свою родимую матушку,
Изъ тыё изъ муки змѣиныё.»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Переходитъ морё синёё
Становится на крутомъ красномъ бережечкѣ
Самъ возговоритъ таково слово:
— Государыня моя родимая матушка
А что стоитъ моё похожденіе
Супротивъ твоего порожденія?
Его родимая матушка
Горючимъ слезамъ заливалася
Сама говорила таково слово:
«Ой горе, чадо милое!»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
Какъ твое то похожденіе,
Наипаче моего порожденія.»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Приходилъ ко граду Констаптинову.
Какъ завидѣлъ его судырь батюшко
Еще царь Константинъ Сауйловичъ
Самъ возговорилъ таково слово:
Ужь вы гой есте князья-бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христіане православные!
Еще кто почтитъ отца и мать свою
Надѣется Ѳедору Тирону
На первой недѣлѣ поста Господня великаго
Тотъ избавленъ будетъ муки вѣчныя
Наслѣдникъ будетъ царства небеснаго.
Еще славенъ Богъ и прославленъ,
Велико имё Господне!

XV.

СТИХЪ О МИХАИЛѢ АРХАНГЕЛѢ.

Спустится на землю судья праведный,
Михайло Архангелъ, свѣтъ.
Со полками онъ съ Херувимами,

Съ Херувимами и съ Серафимами,
Со всею онъ силою небесною
И со трубою онъ златокованой
И первый онъ разъ вострубитъ—
И души въ тѣлеса пойдутъ;
Второй онъ разъ вострубитъ —
Отъ гробовъ мертвые встаютъ;
Въ третій разъ вострубитъ
Всѣ на судъ Божій пойдутъ.
И праведные идутъ по правую руку, а грѣшные по лѣвую.
У праведныхъ лица хорошія,
На главахъ власы, какъ лунь свѣтлы;
А у грѣшныхъ лица все черныя
У грѣшныхъ волосы словно стрѣлы стоятъ.
Праведные идутъ все стихи поютъ
Херувимскіе и серафимскіе:
Величаютъ Христа, Царя небеснаго,
Пресвятую они Матерь Богородицу
Величаютъ они Михайла Архангела:
„Не возможно ли, батюшко, Михайло Архангелъ, помиловать?“
Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ, свѣтъ имъ чудотворецъ:
„Проходите рабы крещеные, души вѣрныя
„Уготовали вы царство небесное“.
А грѣшные идутъ сильно плачутъ,
Плачутъ они да и рыдаютъ,
Ко Михайлу Архангелу причитаютъ:
„Не возможно ли насъ, батюшко, Михайло Архангелъ, помиловать?
„И дайте намъ годы урочные,
„Столько годовъ, сколько въ морѣ песку.“
Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ свѣтъ имъ чудотворецъ:
„Отойдите злые, окаянные!
„Бѣлый свѣтъ вамъ на волю данъ былъ,
„Сами вы себѣ мѣсто уготовали,
„Мѣсто, муку вѣчную и тьму кромѣшную.“
Рече Михайло Архангелъ, чудотворецъ:
„Ангели, вы мои Архангели,
„Берите прутье желѣзные
„Гоните вы злыхъ окаянныхъ,
„Гоните ихъ въ рѣку огненну
„Засыпьте ихъ пескомъ и хрущобою

„Завалите доскою чугунною
„Не чулъ бы я отъ нихъ ни писку, ни вереску,
„Ни зубнаго бы отъ нихъ скрежетанія."
Они идутъ да слезно плачутъ, отцу матери причитаютъ:
Ко сырой землѣ припадаютъ:
„Почто вы насъ отцы-матери породили,
„Краше бы насъ на родинахъ растоптали,
„Ко страху Божьему вы насъ не учили."

Сообщено А. Григорьевымъ.

XVI.

СТИХЪ О ПЯТНИЦѢ.

Во славномъ городѣ въ Ерусалимѣ
На той горѣ на Вертепѣ,
Стояла святая пустыня,
Въ этой пустынѣ жилъ святой пустынникъ Василій
И молился онъ Господу Богу,
Жёстко онъ молился со слезами
Умолилъ онъ себѣ царство небесное.
Во снѣ ему Пятница явилась:
Крестомъ его оградила,
Свѣчею его освѣтила
Словесно ему говорила:
„Стань же ты, стань, рабъ Божій пробудися,
„Поди же на святую на Россію
„Разсказывай людямъ православнымъ,
„Чтобы другъ друга люди возлюбили,
„Братъ братомъ называли,
„Отцей матерей почитали,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
„Ай вы мужи и жены честныя!
„Середы, да пятницы почтите,
„Въ воскресные дни Богу молитесь,
„Дѣтей своихъ не проклинайте,

„Жидами не называйте:
„Жиды у Христа проклятые:
„Жиды Христа проклинали,
„Святую одежду Его раздирали,
„Копьемъ святое тѣло протыкали
„Святую Христову кровь проливали,
„На крестъ Христа распинали,
„Гвоздями руки, ноги приковали,
„Обручи желѣзные набивали,
„Во землю его зарывали.
Изъ мертвыхъ Христосъ воскресе,
„Изъ гроба Христосъ да возставши—
„Весь міръ православный взрадовался:
„Слава Тебѣ Христе Боже да на небеси!“

ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СОЛДАТСКІЯ.

I.

Жилъ-былъ князь Романъ Митріёвичъ,
Съ женкой спалъ и ей прищавилось ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка, съ мезёночка,
И разсыпался на мелкія зёрночка;
Она всѣ собрала, одного не могла отыскать.
Даемъ мы знать по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
Чтобы твой сонъ разсудили,
Чтобы твой сонъ разсказали.
„Я свой сонъ сама разсужу,
Я свой сонъ сама разскажу:
Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря,
Три червленыехъ, три корабля,
Увезутъ меня, Марью, за сине море,
За сине-море, за соленое,
Къ тому Мануилу сынъ Ягайлову“.
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,

Онъ ушелъ скорѣй въ тихи мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ, сѣрыхъ уточекъ.
Она сѣла къ окошечку косивчиту (косящату?)
И глядитъ: бѣжатъ изъ-за моря,
Изъ-за моря, изъ-за синя.
Три чорныихъ, три корàбля,
Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную
И видитъ Марья — увезутъ меня
За сини моря, за соленыя:
Она запирала окошечко ковшивчето,
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на красно̀ крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ,
Съ дубоваго моста на тропиночку.
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле,
И засѣла подъ яблонь кудреватую,
И прибѣгали три кораблика, три черныихъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И метали якори булатные,
И выпущали шеенки (*) шелковыя,
И спущали на воду шлюпку легкую,
И садились въ шлюпочку, пріѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ палаты бѣлокаменны
И искали Марью — не могу̀тъ найти!
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
Не иско̀мъ ищетъ — слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ, да вырѣзываетъ
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,
Дѣтинушка повареный вырѣзываетъ,
И нашелъ ее подъ яблонью кудреватою.
„— Ты ли есть Марья Юрьевна?"
„Я не Марья Юрьевна,
Я Марьина служаночка".

(*) Ширинки, лѣсенки.

„Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?“
„Я есть Марья Юрьевна, лебядь бѣлая“,
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя,
И за тѣ ли перстни злаченыя
И увозилъ на червленомъ на кора́блѣ
За сине-море, за соленое.
И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову;
Онъ встрѣчаетъ его съ честью, съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченыя,
Онъ хочетъ цаловать ее въ сахарны уста.
Говоритъ ему Марья Юрьевна:
„У насъ до трехъ годовъ не цалуются, не обнимаются“.
И ушелъ Мануйло Ягайловичъ на тихи-мелки заводи.
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ;
Пойдучи матери наказывалъ:
„Дай ей нянюшекъ, служаночекъ,
Ежели она закручинится“.
Она сидѣла у окошечка косивчата,
Глядѣла въ околенку стекольчату.
Вотъ мать его идетъ спрашиваетъ:
„Чего ты сидишь у окошечка у кошивчата,
Чего плачешь, уливаешься?“
„Сегодня у меня, на Руси, великъ праздникъ,
Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе;
Гуляютъ жены христіанскія,
Купеческія, министерскія, крестьянскія,
И послѣднія жены солдатскія,
И голи кабацкія;
А я сижу у окошечка,
Проливаю свои слезы горючія“.
Мать дала ей няничекъ, служаночекъ въ сады гулять
И дала напитковъ всякихъ разныехъ,
И дала козла любимова Моналинова;
Она напоила нянекъ до пьяна́,
Что няньки лежатъ сами бе́зъ себя.
Вотъ она взяла козла зарѣзала,
Пришла Марья на гору высокую,

Скидавала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку,
И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка.
И быстра рѣка идетъ,
Что̀ громъ гремитъ,
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
„Ой же ты, мать, Дарья-рѣка!
Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ,
Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
Пропустите меня Марью Юрьевну!“
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ;
Перебрѣла она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать
И пришла ей больше того рѣка.
Она видитъ, что перейти нельзя;
Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубова,
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
„Ой же ты, колода бѣлодубова!
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на Святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелки кресты,
На чудны образы
И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ“.
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.
И пришла Марья Юрьевна
Къ Роману Митріёвичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
„Ой еси, ты Романъ, князь Митріёвичъ!
Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
На святую Русь,
Вырѣжемъ на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотимъ червоннымъ краснымъ золотомъ“.
И вывезли ту колоду бѣлодубову
На святую Русь
И вырѣзали на мелки кресты,
И на чудны образы,

И вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ
И разослали по церквамъ.

Архангельская Губернія. Запис. С. В. Максимовъ.

II.

Романъ князь, Митріёвичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле
Сбирать дани за тѣ годы, за старые;
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна:
„Душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ!
Ни уѣдь ты въ далеко чисто поле
Сбирать тѣ дани, сударь, пошлины:
Какъ ночесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
Мало спалось, много видѣлось,
Много видѣлось, во снѣ грезилось:
Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
Съ меньшова перста, съ мизёночка,
И разсыпался на мелкія зёрнотка, на мушенки.
Тутъ изъ далеча, далёча, изъ чиста поля
Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
Расклевали мой, Марьюшкинъ злаченъ перстень.
Кто бы могъ мой сонъ теперь розсудить?“
Говоритъ князь Романъ, сударь Митріевичъ:
„Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна,
Юрьевна, ты лебедь бѣлая!
Я какъ съѣзжу въ далеко чисто поле,
Такъ съищу тамъ много знахарей,
Что могутъ тебѣ розсудить твой сонъ“.
Говоритъ княгиня, Марья Юрьевна:
„Ты, душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ,
Не надо мнѣ твоихъ много знахорей,
Я могу этотъ сонъ сама весь розсудить:
Какъ ты уѣдешь въ далече чисто поле,
Такъ изъ той земли, изъ бусурманскія,
Наѣдутъ многи поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корабляхъ;
Увезутъ меня княгиню Марью Юрьевну“.

Ничего князь Романъ не побаровалъ (sic)
И уѣзжалъ въ дàлече чисто поле.
Въ ту пору, въ то время
Пріѣзжали поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корàбляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока нова терема
На новыя сѣни,
Съ нóвыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ,
Тамъ приздынула яблонь кудреватую,
И садилась подъ яблонь кудреватую.

А тѣ поганы татарове
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ:
Туто ходитъ Марьина протомойница;
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Стали туто бить Марьину протомойницу:
„Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
И говорила имъ Марьина протомойница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина протомойница“.
Они стали туто бить Марьину клюшницу:
„Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
И говорила имъ Марьина клюшница;
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна.
Я есть Марьина клюшница“.
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока нова терема
На новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ,
Приздынули тутъ яблонь кудреватую
И нашли княгиню Марью Юрьевну,
Стали Марьюшку допрашивать:
„Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“

„Нѣтъ, я не княгиня есть Марья Юрьевна,
Я есть Марьина простельница“.
Тутъ они брали плёточки шелковыя,
Стали ее бить, не жалѣючись,
И стали ее снова допрашивать:
„Скажи, скажи, не утай-скажи:
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
Тутъ она и сказалась имъ:
„Я есть княгиня Марья Юрьевна“.
Взяли они княгиню за бѣлы руки,
И вели на пристань корабельную,
И привезили къ Батышу на червленъ корабль;
Беретъ ее Батыша за бѣлы руки,
И цалуетъ княгиню въ сахарны уста,
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
„Ой же ты, Батышъ царь Батурьевичъ!
Не цалуй ты меня въ сахарны уста,
Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ,
Когда привезенъ въ землю бусурманскую...“

1-го августа 1856 г., Калгалакша, 110 верстъ отъ Кеми, на Бѣломъ Морѣ. Запис. С. В. Максимовъ. Дальш [illegible]ъ не зналъ; а ссылался на второй варіантъ.

Ужь вы люди ли, вы люди стародавніе!
Молодые молодцы да-воль послушати,
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грознà царя Ивана Васильевича:
Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
Что татары же по городу похаживали,
Что грознà царя Ивана Васильевича поддразнивали.
Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру-мать землю,
Онъ велѣлъ ли государь-царь пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать зажигальщичковъ,
Онъ велѣлъ сударь скоро казнить, скоро вѣшати.
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить,
Воску яраго свѣча затеплилася

Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побило татаръ сорокъ тысячей и три тысячи.

Москва. Пѣлъ цыганъ Антонъ Сергѣевъ.
Записано А. Григорьевымъ.

СВАДЬБА ГРОЗНАГО.

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ карабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на круты красны бережки.
Пріутихли-пріуныли круты красны бережки,
Глядючись-смотрючись съ черныхъ кораблей
И со тѣхъ марсовъ карабельныихъ
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на горы высокія
И на тѣ на поля зеленыя
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя.
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ
Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ царица таковы рѣчи:
„Ужь ты слушай царь, послушай-ко,
„Что я тебѣ царица повыскажу
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ,
„Когда будутъ они во полномъ умѣ
„И во твердомъ будутъ разумѣ,
„Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
„Еще слушай царь, ты послушай-ко:
„Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,
„Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
„Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
„Еще слушай царь, ты послушай-ко:

„Что я тебѣ царица повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до князей, до думныхъ бояръ
И до того ты до дядюшки любимаго
И до своего ты до крестнаго батюшки
До того Богдана Сирскаго:
И тутъ твоя дума крѣпкая!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
И тутъ твоя сила вѣрная!
Еще слушай царь, ты послушай-ко:
И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго;
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что я тебѣ царица принакажу,
Принакажу и повыскажу:
Когда я царица преставлюся,
Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ
На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
А женись ты, царь, въ Каменной Москвѣ,
На той Супавѣ Татарскіѣ
Хоша есть у ней много приданаго
Пановей, улановей и злыхъ поганыхъ татаровей,
Есть у ней брателко родимое
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ.
И тутъ царица просыпалась.
Тутъ царицѣ славу поютъ.
Прошло времени три мѣсяца.
Похотѣлъ сударь Грозенъ царь
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву.
Покататися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки
И того Богдана Сирскаго.
Пріѣзжалъ онъ скоро въ прокляту Литву
И бралъ онъ Марью Темрюковну
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ
Кострюкомъ Темрюковичемъ.

Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы,
Не дошедъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ.
За сто верстъ становилъ онъ свою силу-армію
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернильницу вольянскую,
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу листъ гербовыя
И писалъ онъ скоро посоленъ листъ
И посоленъ листъ на золотъ столъ
Своему дядюшкѣ любезному
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
„Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью
И со тѣмъ пѣтьемъ божьимъ церковныимъ
И со тѣмъ со звономъ колокольныимъ,
Со той пальбой пушечной.
Отравлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посолъ,
Не стрѣтилъ его дядюшка любимой
За сто верстъ,
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ;
За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію
Отправлялъ скора гонца
Скора гонца и скора посла,
Чтобъ чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
Гдѣ стоять моей силѣ-арміи.
И приваливалъ онъ во матушку каменную Москву
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка
И тотъ Богданъ Сирскій
Не съ пѣтьемъ божьимъ церковныимъ
И не съ тѣмъ звономъ колокольнымъ,
Не съ той пальбой пушечной.
Заѣзжалъ сударь Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
И во ту церковь Божію
Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.

На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей на думныхъ бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу
И къ западу идетъ ко закату,
А почестенъ пиръ на весело
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:
„Ай ты мой затюшко любезный!
Грозенъ ты царь Иванъ Висильевичъ
Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
Борцы-молодцы пріученые,
Кабы мнѣ съ ними поборотися.
Требовалъ сударь Грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ.
Борцей-молодцей не случилося,
Только случился Васенька хромоногенькой:
На лѣву онъ ножку припадываетъ
По двору прихрамываетъ
И ко двору государеву придвигается
И входитъ въ палаты царскія.
И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
Своему зятелку любезному:
„Чортъ у васъ не борцы-молодцы
„И не пріученые.
Говоритъ Вася Хромоногенькой
Ай же ты сударь-таки Грозенъ царь!
Ежели Богъ пособитъ, Никола поможетъ
Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить
И по двору его нага спустить.
Говоритъ сударь Грозенъ царь
И грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
Ежели бы тебѣ Богъ помогъ
И Микола пособилъ Кострюка побороть
Изъ платья вонъ его вылупить
И по двору нага спустить —
Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья.

На лѣвую ножку онъ Вася припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ
И металъ Кострюка о кирпичной полъ,
На брюхѣ его кожа трёснула,
На хребтѣ его кожа лопнула.
Изъ платья онъ его ногой вылупилъ
Не Кострюкъ былъ Темрюковичъ
Да и не брателко-то ей былъ родимое:
Была поляница удалая.
Бралъ царь свою Марью Темрюковну
И велъ онъ въ далече чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго
И Богдана того Сирскаго
И женился онъ въ каменной Москвѣ
Въ каменной Москвѣ, на святой Руси.

Арханг. Губ. зап. С. В. Максимовъ.

СВАДЬБА ГРОЗНАГО

(НАЧАЛО ТО ЖЕ).

. . . .
Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна.
При смерти она наказываетъ
Наказываетъ и доспрашиваетъ:
Грозный царь Иванъ Висильевичъ!
Будешь ли послѣ меня женитися
Али ты надёжа-царь будешь холостъ ходить,
Холостъ ходить, не женатой слыть.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
Я не буду послѣ тебя женитися
Надёжа-царь буду холостъ ходить
Холостъ ходить, неженатой слыть.
Говоритъ царица благовѣрная:
Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Не мани меня, не омманывай

Будешь послѣ меня женитися
Во той ли матушкѣ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесетъ она рубашки красна золота,
Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ —
Увидишь тутъ чудо великое:
Затѣмъ будь добръ да милостивъ
До тѣхъ до двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей
Будь ты добръ, будь ты милостивъ
До тѣхъ до слуговъ вѣрныехъ,
До того народу христіанскаго.
Затѣмъ преставилась царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна.
Затѣмъ женился царь въ проклятой Литвѣ
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота
Надѣли какъ на псовъ ядовитыихъ—
Тѣхъ псовъ разорвало.
Затѣмъ сталъ грозенъ царь
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
Сталъ его дядька спрашивать:

„Зачѣмъ исхудалъ? — „Не могу поляницой удалой владѣть: руку ногу закинетъ на меня жена—не могу духу перевести.

. . . .

. . . .

(Тутъ старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше. „Стыдно-де, нехорошее такое поется“. Такъ и не добился!...)

Максимовъ Арх. Губ.

О ИВАНѢ ГРОЗНОМЪ.

Прикажи Господи намъ старину сказать,
Старину сказать да стародавную,
Стародавную старинушку бывалую:
Про того царя Ивана да Васильевича,
У того царя Ивана да Васильевича
Заводилася бесѣда тиха, смирная,

Собиралися князи, бояре да со всѣхъ сторонъ
Князи бояре да вся поляница удалая.
Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,
Во полу-пирѣ, да хлѣба рушаютъ,
Во полу-пирѣ да прирасхвастались,
Иной хвастаетъ: да кони добрые,
Другой хвастаетъ да золотой казной,
Третій хвастаетъ да молодой женой.
А грозенъ царь Иванъ Васильевичъ по палатушкѣ похаживаетъ,
„Ужь вы гой еси князи и бояре,
„Ужь вы хвастаете небылью, небылицею,
„Чѣмъ же я добрый молодецъ похвастаю?
„Я похвастаю, да я измѣною:
„Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева.
„Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Нова-города,
„Ужь я выведу измѣнушку изъ матушки каменной Москвы!“
Тѣ князья бояре да ему рѣчь говорятъ:
„Ужь не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
„И не вывести измѣнушки изъ Нова-города
„Да изъ матушки, да каменной Москвы,
„А тотъ выведетъ ту измѣнушку,
„Кто за однимъ съ тобой за столомъ сидитъ да хлѣба кушаетъ,
„Милой сынъ твой Ѳедоръ Ивановичъ“.
На то грозенъ царь Иванъ Васильевичъ осержается
И восходитъ онъ да на Красно-крыльцо
И кричитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
Своимъ пилатамъ, да немилостивымъ;
И тѣ пилатушки да испужалися
По каменной Москвѣ да разбѣжалися,
Одинъ Малюта Скуратовъ да не устрашился.
Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,
Прибѣжавъ къ нему низко кланялся:
„Ужь ты грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
„На что ты горы-гаркаешь, на что меня кликъ-кликаешь?
„Ужь ты гой еси Малюта Скуратиноkъ,
„Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,
„За бѣлы руки, за златы перстни
„И поведи его на то поле на Куликово
„Ко той ямѣ да кровавыя,
„Къ той доскѣ да къ дубовыя,

„Снеси ему да буйну голову
„Принеси мнѣ сабельку кровавую“.
И онъ взялъ его за бѣлы руки
И повелъ его въ чисто поле да въ Куликово.
Увидалъ его любезный шуринъ Никита Варламовичъ,
Онъ садился на добра коня
И посадилъ за себя молодаго клюшничка
Погналъ на то поле на Куликово
И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
„Ужь ты гой еси Малюта Скуратинокъ
„Не твой кусъ да не тебѣ и кушати
„Ужь ты на-тко да насытися
„Моимъ молодымъ ключничкомъ!“
Онъ взялъ ему клюшничку срубилъ буйну голову
И понесъ ту сабельку кровавую
Ко тому царю къ Ивану Васильевичу.
А у грозна царя Ивана Васильевича
И пиръ пошелъ да не навеселѣ
Въ барабаны били да не на радости,
Не на радостяхъ, да не по старому,
Изъ пушекъ палятъ да не по прежнему,
А изъ мелкаго оружія да обсѣкается.
А у его любимаго шурина Никиты Варламовича
У него пиръ-то идетъ да по веселому,
Въ барабаны бьютъ да все по старому,
А изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
А изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ.
Посылаетъ къ нему грозенъ царь Иванъ Васильевичъ скорыхъ пословъ:
„И приведите мнѣ любезнаго шурина Никиту Варламовича!“
И привели его Никиту Варламовича къ нему на дворъ.
„На что же ты меня любезный зятюшка,
„Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ требуешь?
„Къ чему радошенъ, да къ чему радъ
„Мой любезный шуринъ Никита Варламовичъ
„Моему-то развѣ безвременьицу?
„У меня одна была жемчюжина и та скатилася
„И пиръ у тебя идетъ по веселому,
„Въ барабаны у тя бьютъ да все по старому,
„Изъ пушекъ-то палятъ все по прежнему,

„Изъ мелкаго оружія не утихается.
„Ужь ты гой еси грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
„Есть въ гостяхъ небывалой гость
„Небывалой гость Өедоръ Ивановичъ!“
„Гой ты еси мой любезный шуринъ Никита Варламовичъ!
„Обратилъ ты мое да ретиво сердце
„Взвеселилъ мою буйну голову,
„Воротилъ ты мнѣ мою жемчюжину“.
И пошелъ у нихъ пиръ да по веселому,
Въ барабаны били да все по старому
Изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
Изъ мелкаго оружія не утихаются.

Сообщено А. Григорьевымъ.

Грозенъ былъ воинъ царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ,
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ силою
Онъ прошелъ въ страну татарьскую
Сѣе царство взялъ Казанское
Господарство Астраханское,
Вывелъ Перьфила изъ Нова-города,
Не вывелъ измѣну въ Каменной Москвѣ
То царьско серьче разгоралося.
Пусче огня, пусче полымя.
Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
У меня дзе-есть всяки мастеры,
Есть такія разны дохтуры,
Но всѣ прячутся, старый за малаго,
И хоронются — малый за стараго,
А одинъ изъ нихъ лишъ не прятчется,
То Малютка-палачъ, то Гурбатовъ сынъ,
Ну пойди-ко сюда, гой Гурбатовъ сынъ!
Сослужи-ка небось службу вѣрную,
Службу вѣрную неизмѣнную:
Во палаты ступай въ царски каменны,
Взявъ царевича тамъ за черны кудри,
Разпоясни съ него шелковый поясъ,
Золотой перстепекъ сними со правой руки,
Отведзи самого на Москву рѣку,

Впрямъ на мѣсто на то,—мѣсто лобное,
И на плаху на ту, что на липову
И сними тамъ съ него буйну голову,
А мнѣ къ явкѣ подай саблю острую,
Саблю вострую въ горючей его рудзѣ.
И увидзѣлъ то Өедоръ Ивановичъ,
Өодоръ Ивановичъ, Пожарской сынъ,
Изъ косясчита изъ окошечька,
Пропустивши царя вдоль по улицѣ
Вдоль по улицѣ, вдаль отъ терема
Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
Ой ты гой еши! Гурбатовъ — палачъ!
Не за свой ты кусъ принимаешся,
Самъ кусомъ такимъ подавишься.
И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго
Слугу вѣрнаго, свово стряпчаго,
Свово стряпчаго, что не лудчева,
Что не лудчава, свово клюшничка:
На, сними (?) онъ пробилъ съ него голову,
Снеси саблю къ царю, — въ горючей рудзѣ.
А къ царевичу не причаствуйся.
Вотъ на утро царь Иванъ Васильевичъ
На поминки собралъ, поголовно народъ.
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать
Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ-рѣкѣ пусчать
А поповъ приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Мосвѣ-рѣкѣ пусчать
Что царевича, не засчюняли.
Вотъ съѣзжаются всѣ во платьи чернаимъ
Въ платьи чернаимъ, — во печальнаимъ,
А ѣдзетъ лишъ Өедоръ Ивановичъ
Өедоръ Ивановичъ, — Пожарской сынъ
Пожарской сынъ, во нарядзѣ цвѣтномъ
Во нарядзѣ цвѣтномъ, — въ яркомъ золотсѣ,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены что не лудчія
А веселье въ самомъ, — такъ не кроится.
Вотъ увидѣлъ его царь Иванъ Васильевичъ.
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ
Охъ ты гой еши Өедоръ Ивановичъ

Өедоръ Ивановичъ — Пожарской сынъ!
Аль объ горѣ моемъ ты не извѣдался,
Что орядитца поспѣлъ, словно въ радосный пиръ.
А пожарской сынъ отвѣчаетъ царю:
А я батсюшка царь, — все въ отлучкѣ гулялъ,
Все въ отлучкѣ гулялъ за охотою
И поймалъ сокола, что не лутчава,
Что не лутчава тсеэ ближнява,
Ты сына тсеэ роднаго.
И возрадовался царь, и отвѣтствовалъ ему:
Ужъ ты гой еши Өедоръ Ивановичъ
Өодоръ Ивановичъ — Пожарской сынъ
Вѣдь не мнѣ бы царемъ, а тсеэ должно быть:
Ты умѣлъ соблюсти царски сѣмены.

Княгининскаго Уѣзда, с. Спѣшнева. Доставили.

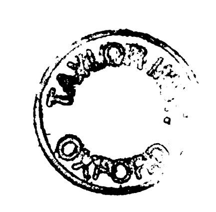
ТАТАРСКІЙ ПОЛОНЪ.

Какъ за рѣчкою,
Да за Дарьею
Злы татарове
Дуванъ дуванили.
На дуваньицѣ
Доставалася ,
Доставалася
Тёща зятю.
Вотъ повезъ тёщу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.
„Ну и вотъ, жена,
„Тѣ работница,
„Съ Руси русская
„Полоняночка.
„Ты заставь ее
„Три *дѣлъ* дѣлати.
„Первòе дѣло —
„Куделю прясть,

„Другое дѣло —
„Лебедей стеречь,
„А и третье дѣло —
„Дитю качать“. —
Полоняночка
Съ Руси русская
(О)на глазками
Лебедей стережетъ ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышàтъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ :
„Ты баю, баю,
„Боярскій сынъ!
„Ты по батюшѣ
„Золъ татарченокъ,
„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученокъ ,
„И моихъ черевъ
„Ты урывочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полòнъ взята,
„На правой груди въ ней
„Есть и родинка,
„На лѣвòй ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя —
„Такъ грѣхъ будетъ ;
„Мнѣ дитей назвать —
„Мнѣ вѣра не та !„
Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ

„Государыня
„Наша барыня“.
Полоняночка
Съ Руси русская
(О)на глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышàтъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
„Боярскій сынъ!
„Ты по батюшкѣ
„Золъ татарченокъ,
„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученокъ,
„И моихъ черевъ
„Ты урывочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полòнъ взята,
„На правой груди въ ней
„Есть и родинка,
„На лѣвòй ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя,
„Такъ грѣхъ будетъ;
„Мнѣ дитей назвать,
„Мнѣ вѣра не та!“

Что стучитъ, грючитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ
И дрожа дрожитъ.
Дочка къ матери



Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги:
„Государыня
„Моя матушка!
„Не спознàла тебя,
„Моя родная!
„Ты бери ключи,
„Ключи зо̀лоты,
„Отпирай ларцы,
„Ларцы кованы,
„Ты бери казны
„Сколько надобно;
„Ты ступай-ко мать,
„Во конюшенку,
„Ты бери коня
„Что не лучшаго (*),
„Ты бѣги, бѣги, мать,
„На святую Русь".
— Не поѣду я
На святую Русь,
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.

N*

Охъ ты поле мое, поле чистое!
Ты раздольицѣ широкое!
Ты крапива стрекучая!
Какъ гулялъ тутъ добрый молодецъ,

(*) Въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ варіантовъ, вмѣсто этихъ двухъ стиховъ поютъ:

Ты бери-ко, мать,
Укрючныхъ коней.

Извѣстно, что укрючными называются запасныя лошади: когда одна лошадь устанетъ, пересаживаются на укрючную. Этой пѣсни очень-много варіантовъ; въ нѣкоторыхъ пропущены однѣ подробности, въ другихъ другія; но стихи, въ которыхъ говорится про тяжелую работу матери, что она въ одно время три дѣла дѣлала, рѣшительно во всѣхъ упоминается такъ же, какъ и слова дочери, узнавшей въ полоняночкѣ свою дочь.

Что гулялъ онъ тутъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Загулялъ онъ къ королю въ Литву.
Король его любилъ, жаловалъ,
Цвѣтно платьице носили съ одного плеча,
На коняхъ они ѣздили съ одного стремя.
Ужь и сталъ молодецъ упиватися,
Во хмѣлю онъ сталъ похвалятися:
Какъ и нынѣшнюю ночку, добрый молодецъ,
Я спалъ, ночевалъ у царя въ гостяхъ, —
У царя въ гостяхъ, во высокомъ терему,
Во высокомъ терему съ красной дѣвицей;
Я ли спалъ, целовалъ красну дѣвицу,
Распрекрасную Елену Королевишну...
Ужь какъ были на молодца доносчички,
Донесли они королю на молодца.
А король-то велѣлъ молодца пожаловать:
На высокихъ ремешкахъ повѣсити.
Повѣли молодца впереди дворца,
А царевна кричитъ: не ведите молодца впереди дворца,
Поведите молодца позади дворца...
Добрый молодецъ на петелькѣ качается,
Красна дѣвица во теремѣ кончается.

Сообщено А. Григорьевымъ.

ПѢСНЯ ПРО ОСАДУ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

На Москвѣ было на базарѣ;
Собиралися бояре;
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова,
Изъ того ли изъ роду Салтыкова (*),
Передъ царскія очи становили.
Какъ возговоритъ православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его царское величество:

(*) Салтыковъ ли былъ при осадѣ Соловецкаго Монастыря?

„Охъ ты гой еси, большой бояринъ,
„Ты любимый мой воеводушка!
„Ты ступай-ко, ко морю ко синему —
„Ко тому острову ко большому,
„Ко тому монастырю ко честному,
„Къ Соловецкому;
„Ты порушь вѣру старую, правую,
„Постановь вѣру новую, неправую“.
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
„Охъ ты гой еси православный царь,
„Алексѣй Михайловичъ,
„Твое царское величество!
„Нельзя объ томъ и подумати,
„Нельзя объ томъ и помыслити:
„Какъ порушить вѣру старую, правую,
„Какъ поставить вѣру новую, неправую!“
Царь разозлился,
Царь распалился,
Воевода прогрѣшился.
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царской воеводушка:
„Охъ ты гой еси православный царь,
„Алексѣй Михайловичъ,
„Твое царское величество!
„Ужь и дай мнѣ силу не малую не великую:
„Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
„Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ:
„Зелья, пороху сколько надобно“.
Какъ и было въ самый ли Петровъ-то день
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было,
Отошла честна заутреня
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ.
Честны старцы пѣли молебены
Какъ бѣжитъ пономарь,
Неразумный звонарь:
„Охъ вы гой еси честны старцы!
„Какъ идетъ сила немалая, невеликая,

„Сорокъ полковъ да все тысячныхъ,
„Сорокъ пушекъ да все мѣдныихъ,
„Зелья, пороху сколько надобно,
„Да все войско православное,
„Не то идутъ они ратиться,
„Не то идутъ они молитися“.
— Охъ ты глупой звонарь,
Неразумный пономарь!
Да то войско православное
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молитися!
На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрушко калёное,
Забивали во пушечку мѣдную,
Палили во тотъ во честной монастырь,
Во Соловецкій.

Записано на Чугункѣ 1858. Мартъ. Отъ орловскаго мѣщанина.

ПѢСНЯ ПРО ВАНЬКУ КЛЮШНИКА.

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было площади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
Что и того ли то и князя, князя боярина.
Что и жилъ-то тамъ князь со своей княгинею,
Что и жилъ-то тамъ Ванюша, Ваня, князю клюшничикъ,
Молодой его княгини вѣрной полюбовничикъ.
Что и годъ живетъ Ванюша съ княжней, другой живетъ,
Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ князь да довѣдался,
Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной горьнишной
Вотъ выходитъ князь бояринъ на свой красенъ крылецъ,
Какъ возгаркнетъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
Да и слуги, мои слуги, слуги мои вѣрныя!
Вы идите, приведите вора Ваньку клюшника.
Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ княжій дворъ,
Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается
Какъ у Ванюшки кудерцы кудри завиваются....
Какъ возговоритъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ ...... сынъ,
Ты съ которой поры-время живешь со княжнею?“

— Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
Какъ и сталъ-то князь Ванюшу пытать, крѣпко спрашивать,
Не добился князь бояринъ *тaeй* правды истины.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
Вы берите-тко, берите заступы желѣзныя,
Ужъ вы ройтя-тко, копайтя двѣ ямы глубокія,
Ужъ вы ставьте-тко, ставьтя два столба точоныя,
Перекладину кладитя, слуги, вы кленоваю.
Вы идитя приведитя вора Ваньку клюшника".
Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу Ваню черезъ княжій дворъ,
Какъ у Ванюшки-Ванюши руки-ноги скованы,
Руки-ноги въ Вани скованы, да все переломаны... (*)
Вотъ идетъ, идетъ Ванюша, Ванюшка шатается;
А и князь-то стоитъ, ухмыляется;
Молодая-то княгиня въ теремѣ слезами заливается.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи Ванюша, скажи правду-истину".
— Ужь позволь, ты князь бояринъ, позволь Вани пѣсню спѣть,
Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднію:
Что и было, князь бояринъ, попито-поѣдено,
Въ краснѣ было, бояринъ, въ хорошѣ похожено.
На кроватушкѣ тесовой *въ* насъ было полежено,
Да за бѣлыя-то за груди *въ* насъ было похватано
Во уста-то во сахарны было поцаловано,
Съ одного плеча было *въ* насъ поношено!... (**)
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя,
Ужъ вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку клюшника!"
Вотъ повѣсили Ванюшу, — Ванюшка качается...
Молодая-то княгиня въ теремѣ кончается...

(Орловской губ.)

(*) Въ другомъ варіантѣ еще стихъ:
А сафьянные сапожки кровью понаполнены.

(**) Въ другомъ варіантѣ еще стихъ:
Про твою ли, сударь, милость много было ругано.

Что на славной было улицѣ на Димитровкѣ,
Что у славнаго ли у князя, у боярина,
Побранилася кухарка съ младымъ ключничкомъ.
Ты не лайся, не бранися младой ключничекъ,
Я пойду ли донесу князю-боярину...
Ужъ ты батюшко ты нашъ, ты бояринъ, князь,
Ничево же ты не знаешь, да не вѣдаешь,
Что живетъ-то твоя княгиня съ младымъ ключникомъ!
Что возговоритъ нашъ батюшка бояринъ-князь:
Ужъ какъ есть ли у меня да слуги вѣрные,
Вы подите приведите млада ключничка,
Вы поставьте млада ключника въ середи двора,
Что подъ то ли подъ косящато окошечко,
Ужъ я стану младаго ключника доспрашивать.
Ты скажи, скажи младый ключничекъ, не утай грѣха,
Коли да правду ты мнѣ скажешь, я помилую,
А неправду ты мнѣ скажежь, я подъ кнутъ, да подъ кнутъ отдамъ,
Что живетъ ли моя княгиня съ твоей милостью?
—Что живетъ ли твоя княгиня со мною да три, ахъ да три года.
Что возговоритъ нашъ батюшка, да бояринъ, ахъ да бояринъ-князь:
Ужъ какъ есть ли у меня скорые конюхи,
Ужъ вы ройте мнѣ ямочки глубокія,
Вы поставьте два столба вы да два высокіе,
Перекладинку вы поставьте вы кленовую,
Ужъ вы петельку повѣсьте вы шелковую.
Молодой ключникъ на петелькѣ качается,
Молодой-то ли княгини жизнь кончается (*).

Записана А. Григорьевымъ отъ цыгана
Антона Сергѣева.

Какъ на горкѣ, на горушкѣ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ,
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ, бояринъ князь,
Не одинъ-то онъ живетъ князь бояринъ

(*) Или молодая ли княгиня на ножѣ кончается.

Съ молодой съ княгинею.
Какъ у этого ли князя
Жилъ-былъ Ванька-ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ;
Молодая его, душа княгиня,
Полюбила Ванюшку;
Она его не годъ любила,
Ой, да и не два года,
Какъ на третій годъ князь бояринъ,
Онъ только довѣдался,
Онъ дознался, только догадался
Черезъ красную дѣвушку;
Какъ и выходилъ князь бояринъ
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
„Слуги мои вѣрные,
Вы подите, ко мнѣ приведите
Охъ да ворона коня,
Охъ, приведите ко мнѣ воронова
Съ черкасскими новыми сѣдлами;
Да подите, ко мнѣ приведите
Ивана клюшничка,
Ужь я его подарю ли,
Охъ да воронымъ конемъ,
Воронымъ его конемъ ли
Съ черкасскими сѣдлами".
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня усмѣхается;
Молодая его, душа княгиня,
Слезьми обливается.
Какъ и сталъ онъ, князь бояринъ,
Ванюшку допрашивать:
„Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
Съ какихъ поръ съ княгинею живешь?"
„Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
Охъ да не два года".
Какъ и вышелъ князь бояринъ,
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ гроткимъ своимъ голосочкомъ:
„Слуги мои вѣрные,

Вы подите, мои слуги,
Во кузницу новую,
Вы возьмите, мои слуги,
Лопатки острые,
Вы поройте мои слуги,
Двѣ ямы глубокіе,
А во ямы-то поставьте
Столбики точеныя
На столбахъ на тѣхъ положьте
Матицу кленовую,
На матицу повѣсьте мотки шелковые,
А на этихъ на моткахъ повѣсьте
Иванушку ключничка".
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня спотыкается.
Молодая его княгиня
Слезьми обливается
Охъ виситъ, виситъ Ванюша,
Ванюша качается.

КОПАНІЕ КОНАВОВЪ.

Завела дѣвка шинокъ
Супротивъ своихъ воротъ;
Сама вышла на лужокъ
Заиграла во рожокъ,
Подала дружку слушокъ
Чрезъ зелененькій содокъ
Черезъ темненькій лѣсокъ
Ко Ванюшки на лужокъ.
У насъ по морю морю
Два кораблика плывутъ
Какъ на этихъ корабляхъ
По пятисотъ молодцовъ
Государевыхъ гребцовъ.
Они косятъ и гребутъ
Во стога сѣнцо кладутъ;
Браву пѣсенку поютъ;
Разговоры говорятъ

Все хозяина бранятъ: —
Ты разсукинъ сынъ хозяинъ
Разканалья сукинъ сынъ —
Здѣсь конавушки порылъ.

Изъ кремля ли, кремля, крѣпкаго города,
Отъ дворца ли, дворца государева,
Что до самой красной площади,
Пролегала тутъ широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ
Какъ ведутъ тутъ казнить добраго молодца,
Добраго молодца — большаго боярина,
Что большаго боярина—атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается;
Что и тутъ онъ царю не покоряется.
Впереди-то идетъ грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ остеръ топоръ;
Позади пятъ — отецъ съ матерію,
Отецъ съ матерью—молодая жена...
Отецъ-мать во слезахъ слово молвили:
Ты дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Царю бѣлому Петру Первому,
Принеси ты головушку повинную,
Авось тебя тогда Господь Богъ помилуетъ,
Государь царь тебя пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ...
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Добрый молодецъ отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой насмѣхается,
О милыхъ дѣтяхъ не болѣзнуетъ...
Что и тутъ онъ царю не покоряется.
Отрубили ему буйну голову
Что по самы могучи плеча.

Записана А. Григорьевымъ у цыганъ.

Выкатается свѣтъ нашъ, батюшка, первый императоръ,
Онъ на золотой-то на каретѣ,

Подъ нимъ лошади вороныя,
На самомъ на немъ платье черно,
Платье черно да все кручинно.
Докатается онъ да до Сенату
Докатается ко крылечку по прекрасному
Изъ коретушки да вылѣзаетъ;
Во присудствіе да самъ заходитъ.
Сенаторы всѣ да испугались
Изъ рукъ перья у нихъ повалились
Изъ очей слезы да покатились.
Осередь онъ полу становился
Господу-Богу да помолился,
На ременчатый стулъ онъ садился.
Онъ беретъ въ руки да листъ бумаги,
Листъ бумаги онъ да не плохіе
Не плохую онъ бумагу, гербовую,
Во правую перо да лебедино
Начинаетъ писать да доношеніе,
Отсылаетъ доношеніе да въ ину землю
Желаетъ онъ себѣ бою да драки.

Сообщено А. Григорьевымъ.

Заводилася война
Середи бѣла дня;
А что начато палить,
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму!
Только видно во дыму:
Не ясенъ соколъ летитъ,
Добрый молодецъ гуляетъ,
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ;
По казакамъ проскакалъ,
Два словечика сказалъ:
„Вы казаки, вы казаки,
„Военные мои
„Удалые молодцы!

„Безъ размѣрушки пейте,
„Зеленаго вина,
„Посмѣлѣе поступайте,
„Со французомъ воевать!“
— Ужь мы рады воевать,
Слезны капли проливать!
Не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ армiей валитъ!
Онъ валитъ таки валитъ,
Самъ подваливаетъ;
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
„Еще много генераловъ —
„Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
„Всея матушку Россеюшку
„Въ полонѣ себѣ возьму,
„Въ полонъ себѣ возьму,
„Въ каменну Москву зайду!“
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
„Не бывать тебѣ, злодѣю,
„Въ нашей каменной Москвѣ!
„Не видать тебѣ, злодѣю,
„Бѣлокаменныхъ церквей;
„Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
„Золотыхъ нашихъ крестовъ!“
На лужку было, лужку
Стоитъ армiя въ кружку:
Лапуховъ ѣздитъ въ полку,
Курилъ трубку табаку.
Для чего намъ не курить,
Зелена вина не пить!
Свинца, пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ.
Ужь мы бились, рубилися
Четырнадцать часовъ:
Съ пяти на десять пробило,
Стали силу разбирать;

Стали силу разбирать,
Стали полковничковъ считать.
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Енераловъ до восьми;
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которые на горѣ —
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ;
Которы подъ горой —
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ
Таку рѣчь говоритъ:
Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу съ перомъ,
Чернилицу съ перомъ,
Листъ бумаги со гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому.
Государю самому
Императору царю:
Еще нашъ-отъ генералъ
Много силы издержалъ:
Ужь онъ пропилъ, промоталъ,
Досталь въ карты проигралъ,
Инъ удары раздавалъ.

Архангельск. губер. Зап. С. В. Максимовъ.
Эта пѣсня сложена во время семилѣтней войны.

Разбисчастниинькой, безталанниинькой
Французъ зародился,
Онъ сы вечера рано спать ложился,
Долго почивать,
Ничиво жь ли то я французикъ ли
Ничиво не знаю,
Што побили иво, иво армію
Донскія казаки,
Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армію,
Есть еще жалчѣя

Што вотъ сняли мому, мому родному
Да родному братцу,
Што вотъ сняли ему, сняли йму головку
Да головку,
Што мене ль то мене, все французика
Въ полонъ мене взяли
Посадили мене все французика
Въ темнаю темницу.
Што вотъ тошно ли мнѣ, все французику
Въ тимници сидѣти.
Еслибъ зналъ-то бы зналъ, я французикъ ли
Я бъ тово ни дѣлалъ.

Сабурово Малоарх. Сент. 1858. Извѣстны мнѣ еще варіанты этой пѣсни, въ которыхъ, вмѣсто французика, упоминается прусской король.

О КУТУЗОВѢ.

Что не красное-то солнце возсіяло,
Возсіяла у Кутузова острая сабля.
Выѣзжаетъ князь Кутузовъ въ чисто поле,
Онъ беретъ съ собою силу да гренадеровъ,
Гренадеровъ и есауловъ,
Гренадеры и есаулы да не сробѣли,
Что французскаго маіора въ полонъ взяли,
Повели они маіора ко фельдмаршалу,
Ко тому же князю да ко Кутузову
Ко Михайлу его да къ Ларіоновичу.
Начинаетъ князь Кутузовъ его спрашивать:
„Ты скажи, скажи маіорикъ сущую правду:
„У васъ много ль во Парижѣ стоитъ силы?
„Стоитъ силы во Парижѣ сорокъ тысячъ
„По приступу генеральскому смѣты нѣту“.
Какъ на это князь Кутузовъ да разсердился
Какъ ударилъ онъ маіора да по рожѣ,
Онъ по рожѣ, да во правую щеку.
„Ужь ты врешь, ты врешь маіорикъ, врешь плутуешь,
„Меня, Кутузова князя, все проводишь
„Все проводишь меня, да ты стращаешь,

„Ужъ я силы-то вашей да не боюся
„За генеральскіе приступы я̂ примуся“.

Сообщено А. Григорьевымъ.

Обѣщался императоръ
Къ рождеству вѣрно прибыть;
Всѣ праздничи на проходѣ,
Александра царя дома нѣтъ.
Его маменька вѣрно родная,
Всѣ минуты и ночьки не спитъ.
Выду, выду на ту пору,
На ту башню, которая выше всѣхъ;
По ямской ямской дорожкѣ
Да не пыль вѣрно пылитъ,
Этой мой вѣрно курьеръ бѣжитъ.

Сообщено А. Григорьевымъ отъ М. А. Стаховича.

Середи Москвы на площади
Собирался полкъ — казачій кругъ;
Во томъ во кругу стоитъ добра лошадь,
На томъ на коню лежитъ ковано̂ сѣдло,
На томъ на сѣдлѣ сидитъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ — офицерскій сынъ.
Онъ и такъ плачетъ — что рѣка льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На всѣ стороны поклоняется,
Съ отцемъ-матерью прощается:
„Прощай батюшка, прощай матушка!
„Прощай душечка молода жена,
„Прощай дѣтки малыя, мои дѣтушки!
„Прощай братцы-товарищи!

Дроскво Малоарх. у. Достав. М. А. Стаховичъ.

Тамъ построили, тамъ кабакъ
Ни про дѣвокъ, ни про бабъ,
Про холо̂стыхъ-то про робятъ.
Пришолъ мальчикъ вышлъ шкальчикъ
Веселёшенекъ пошелъ.
Прощай дѣвки, прощай бабы

Намъ теперича ни до васъ,
Вы солдатушки бирутъ насъ.
Наши ноженьки да ни ходятъ,
На свѣтъ глазушки ни глидятъ.

Шли солдатушки слободой,
Манятъ дѣвушекъ за собой:
„Вы пойдемте-ко, дѣвушки, съ нами,
„Съ нами добрыми молодцами,
„Не далече до Казани:
„Во Казани-то жить привольно,
„Жить привольно, гулять охотно,
„У насъ денежекъ предовольно,
„У насъ домики пребогаты,
„Бѣлокаменныя стоятъ палаты,
„Межъ домами-то *текетъ* рѣчька,
„Течетъ рѣченка медовая.
„По ней струечка золотая." —
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовъ,
На кусточкѣ соловейко,
Соловеюшко сидитъ, громко свищетъ,
Громко свищетъ онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:
„Не здавайтесь вы, дѣвки, красныя,
„На солдатскія на обманки
У солдатушекъ домы — горы,
Домы — горы каменисты;
Межъ домами-то *текетъ* рѣчька.
Текетъ рѣченька да кровяная,
По ней струечка слезѣная.

Кола. Зап. С. В. Максимовъ.

По дороженкѣ
По широкою
По московскою,
Туда шла-прошла
Сила армія
Конна гвардія

Три полка солдатъ
Все молодые
Безбородые,
Впереди полка
Знамена несутъ
Артикулъ мечутъ.
Ружье свѣтлое
Замки крѣпкіе
Кремни острые.
Замки сбрякали
Солдаты всплакали
Во походъ пошли
Во дороженьку.
Хоть не въ дальную
Да въ печальную
На сраженьицо
На ученьицо.
Гдѣ, ребятушки,
День-то намъ ночевать,
Ночь коротать?
Во темномъ лѣсу
Во сыромъ бору
Все подъ соснами
Подъ жеровыми
Подъ кудрявыми
Намъ постелюшка —
Мать сыра земля,
Намъ зголовьицо —
Зло кореньицо,
Одѣялышко —
Вѣтры буйные!

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Что вились-то мои русы кудри, вились завивались,
Какъ заслышали мои кудерушки на себя невзгодье,
Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
Что ужь быть-то мнѣ, доброму молодцу, во солдатахъ,
Что служить-то мнѣ, доброму молодцу, государю.
Что стоять-то мнѣ, доброму молодцу, въ караулѣ.

Вотъ стоялъ я, доброй молодецъ, въ караулѣ,
Пристоялись мои, (мои) скоры ноги;
Какъ задумалъ я, доброй молодецъ, задумалъ бѣжати.
Что бѣжалъ я, доброй молодецъ, не путемъ дорогой,
А бѣжалъ я, доброй молодецъ, темными лѣсами;
Во темныхъ лѣсахъ, доброй молодецъ, весь я ободрался,
Подъ дождемъ я, доброй молодецъ, весь я измочился.
Прибѣжалъ я, доброй молодецъ, ко своему подворью,
Прибѣжавши я, доброй молодецъ, подъ окномъ я постучался:
„Ты пусти, пусти, сударь батюшка, обсушиться,
„Ты пусти ль, пусти, моя матушка обогрѣться."
„Я бъ пустила тебя, мое дитятко, боюсь государя;
„Ты поди ль, поди, мое дитятко, во чистое поле:
„Что буйнымъ вѣтромъ, мое дитятко, тебя тамъ обсушитъ,
„Краснымъ солнышкомъ, мое дитятко, обогрѣетъ."
Какъ пошелъ-то я, доброй молодецъ, самъ заплакалъ.
„Ужь возмись загоритесь вы, батюшкины хоромы;
„Ужь ты сгинь, пропади, матушкино подворье."

Зап. Т. И. Филипповымъ.

Настя по саду ходила,
Хмѣлю ярова щипала,
Брагу пьяную варила,
Въ погрибахъ долго томила.
Настя гостей-зазывала,
Всѣхъ по лавычкамъ сажала,
Сама сѣла на скамейки
Супротивъ души Ванюши,
Стаканъ меду наливала
И Ванюшѣ подносила
„Выпей, выкушай Ванюша".
„Я ни пью, ни пью Настасья:
На миня вышла несчастья,
Нисчастьица ни бальшоя:
Хочуть Ванюшку поймати,
Рѣзвы ноженьки сковати,
Во солдатушки отдати".
Ваню въ мѣру становили,

Ваня въ мѣри нисходился,
Вышелъ Ваня поклонился.

Сабурово Малоарх. у. сент. 1858 г.

СОЛДАТСКАЯ.

За рикой, рикою разгараитца
Изъ-подъ камушка дымочикъ виднѣитца;
Да на этомъ да на камни лежать три подушачки,
На падушачкахъ ляжить жа отставной солдатъ,
Разварачивалъ свои полы, полы камчатныя,
Онъ показывалъ свои раны, все кровяныи

. . . .

. . . .

Къ отцу, матери пойти, либы живъ либы нѣтъ.
Къ молодой жинѣ пойти — либы знаитъ либи нѣтъ.
Къ малымъ дѣтушкамъ пойтиджа — либы смыслють, либы жь нѣтъ!
Отвезёте мине, братцы, во чисто поля,
Вы поставьте мине, братцы, промежъ трехъ дорогъ:
Между тульской, между курской, промежъ питерской;
Во лѣву руку положьтя саблю востраю,
Во праву руку положьтя золоту ружье,
Во ногахъ же пеставьтя ворона коня,
Во главахъ жа вы поставьте мой поклонной хресъ.
А по той ли по дорожкѣ буде человѣкъ идеть
Енъ возьметъ золоту ружье идеть, настрѣляитси
Саблей вострой намахаетси
Енъ возьметъ ворона коня, енъ наѣздитси.

Орлов. г. Малоарх. у. Сабурово. Пѣлъ Иванъ Кондрашевъ.

Выѣзжаетъ молодой маіоръ,
Молодой маіоръ-полковничекъ,
Выбираетъ молодыхъ солдатъ,
Молодыхъ солдатъ ребятушекъ.
У отца было три сына,
Три сына хорошіе;
Большаго сына жаль отдать,
Средняго не хочется;

Отдамъ я сына меньшаго,
Сына меньшаго Иванушку!
Меньшій сынъ расплакался:
„Государь нашъ батюшка!
„Или я вамъ былъ не родный сынъ,
„Или я вамъ былъ пасынокъ?"
Да вы, дѣти мои милые!
Вы возьмите-тко по палочкѣ,
Да вы бросьте-тко по жеребью:
Да кому изъ васъ достанется? —
Доставалось сыну меньшему,
Сыну меньшему Иванушкѣ.

Дроздово, Малоарх. у. зап. М. А. Стаховичъ.

Что подъ бѣлою березой гусарь-отъ убитъ,
Бѣло личко прикрыто бѣлою китайкой;
Къ нему панья приходила, панья молодая,
Бѣло лицо покрывала, въ уста цаловала.
„Ты возстань, возстань любезной, возстань чернобровой,
„Ваши кони вороные во полѣ танцуютъ."
Я лиха не хочу — во полѣ ночую.
Мой миленькой на Русѣ сущу правду скажетъ,
За рѣченькой, за рѣкой гусарь сѣно коситъ,
На другой-то сторонѣ панья воду носитъ,
Воду носитъ, дожжа проситъ;
Подай, Боже, дожжъ,
Ты подай, Боже, дожжа подай *поскорялъ*,
Чтобы травоньку смочило, косы не чуяло,
Молодаго гусаря со поля сгонило!
Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка,
Три дни печи не топила, на печи-то жаръ, жаръ,
Молодаго гусаря очень его жаль, жаль.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Какъ и шли прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родные,
Во слезахъ пути дороженьки не видютъ,
Какъ возговорютъ солдаты молодые:

Охъ вы матушки родные, да родные,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами.

Сабурово. Малоархан. уѣздъ.

Попила ли ты моя головушка
Не за батюшкиной, не за матушкиной буйной головою,
Не за братцевой, не за сестрициной легкой работой,
Что поймали-то раздобраго молодца поймали въ прилукѣ,
Что у той ли у прилуки у красной у дѣвки;
Что куютъ-то меня добра молодца, куютъ во желѣзы,
Посадили меня, добраго молодца, въ козырныя сани,
Привезли-то меня, добра молодца, въ городъ, во губерню;
Привели-то меня, добра молодца, привели ко пріему,
Посадили меня-то добра молодца во красное стуле;
Какъ и стали меня разудалаго стричь, они-то брити.
Ужь вы брейте мои кудерюшки, брейте не жалѣйте,
Отошлите мои кудерюшки ко красной ко дѣвкѣ.

Сабурово. Малоархангельскаго Уѣзда.

Что вы дѣвушки призадумались,
Красавицы жить не весело,
Жить не весело, да любить не каго,
Изъ молоденькихъ да ребятъ выбрать не кого?
Выбирайте вы себѣ да одинокова
Одинокіе, да не одинокіе
Не одинокіе, одинокіе есть всякіе,
Есть всякіе, да горьки пьяницы,
Горьки пьяницы, да все пропоицы,
Все пропоицы, да безпокоицы:
Онъ копѣйку наживетъ — въ кабакъ снесетъ;
Онъ другую наживетъ — изъ кабака нейдетъ!
Ты соловьюшко, да родной батюшко,
Ты куда, соколъ, летишь, куда машешься?
— „Я лечу-то машусь черезъ рѣку, на ту сторону,
„На ту сторону черезъ быструю рѣку,
„Черезъ быструю рѣку въ часты рощицы,
„Въ часты рощицы, да во зеленой садъ!“

Во зеленомъ во саду генералъ гулялъ;
Не одинъ онъ гулялъ — съ генеральшею;
Размолоденькій солдатъ на часахъ стоялъ.
Ружье держалъ, себѣ смѣны ждалъ,
Себѣ смѣнушки — красной дѣвушки.
Пришла смѣнушка, да красна дѣвушка.
Ужъ и лѣсомъ она шла не боялася.

. . . .

. . . .

Изъ-за лѣсу идутъ тучи
Тучи темныя,
Какъ по мнѣ молоденькой
Горе горькое,
Горе горькое, кручинушка
Непокрытая:
Что пошелъ мой милъ сердечный другъ
Во солдатушки
Онъ покинулъ меня младу
Одиношеньку.
Выду ль я млада ранешинько
Въ поле чистое,
Раскажу ль я раскажу тоску
Вѣтру буйному,
Какъ несетъ мнѣ вѣтеръ буйный
Вѣсть не радостну:
Закатилось мое солнышко
Желанное
Ужъ палъ померъ мой сердечный другъ

Во чистомъ полѣ
Ужъ ты поле мое
Поле чистое,
Ты раздолье мое
Ты широкое,
Ничего поле не породило,
Породило поле
Часть ракитовъ кустъ.

Какъ подъ тѣмъ кустомъ
Лежитъ тѣло бѣлое,
Молодецкое:
Тамъ лежитъ солдатъ
Полковой сержантъ;
Онъ убитъ лежитъ
Весь израненный;
Въ головахъ у него
Знамя царское,
На грудяхъ у него
Руки бѣлые,
На рукахъ у него
Кольца женые.
Во бѣлыхъ рукахъ
Сабля острая.
Во ногахъ у него
Добрый конь его.
Ужь ты конь ты мой конь
Конь товарищъ мой,
Ты подижъ ты мой конь
На мою сторону,
Къ отцу къ матери
Къ роду племени,
Къ молодой женѣ,
Къ царю бѣлому —
Петру первому.
Ты скажи мнѣ конь:
. . . .
. . . .
Погубила меня
Сабля острая.
Ужь ты конь ты мой конь,
Ты скажи жь ты мнѣ конь
Гдѣ ты былъ побывалъ
На своей сторонѣ?
Въ царя бѣлаго
Петра перваго.
Ужь ты конь мой конь,
Что ты ѣлъ тамъ пилъ?
Ужь я ѣлъ по лугамъ

Шелковую траву,
Ужь я пилъ попивалъ
Сладку водочьку.

Растоскуйся ты моя, ты моя сударушка, по мнѣ возгорюйся,
Ужь я самъ-то ли, самъ по тебѣ, сударушка, самъ я встосковался:
Нападаютъ-то на меня, меня сиротинушку — ахъ, да лихи люди,
Что хотятъ-то ли, хотятъ меня сиротинушку отдать во солдаты,
Что куютъ-то ли, куютъ меня сиротинушку, меня во желѣзы,
Что везутъ-то, везутъ меня сиротинушку, меня ко пріему;
Всѣ пріемщики на меня, меня сиротинушку они вздивовались:
Ужь и гдѣ же ты, гдѣ ты, сиротинушка, гдѣ ты уродился?
Породила-то меня, меня сиротинушку, ахъ да родна матушка,
Воспоилъ-то, вскормилъ меня, сиротинушку, православный міръ,
Возлелѣяла меня, меня сиротинушку, ахъ да Волга матушка,
Воскачала-то ли меня, меня сиротинушку, ахъ да легка лодочка.

Москва. Зап. А. А. Григорьевъ.

Не шумите-ко вы, ахъ да вѣтры буйные,
Не бушуйте вы, ахъ да лѣса темные.
Ты не плачь, не плачь, душа красна-дѣвица...
Не сама-то я плачу — плачутъ очи ясныя,
По неволюшкѣ, изъ глазъ слезы катятся,
По неволюшкѣ, да все по миломъ дружкѣ,
Что везутъ-то ль, отдаютъ дружка во солдатушки!
Въ молодые ли его, ахъ да во некрутики;
Снаряжу ль я, снаряжу дружка хорошехонько,
Провожу ль я, провожу, дружка далекохонько,
Я до городу его, городу Владиміра,
Я до матушки ль его, его каменной Москвы.
Середи-то ли Москвы, да мы становилися,
Со милымъ ли, со дружкомъ да мы распрощалися...
Господа-то ли купцы на насъ дивовалися:
Ужь и кто же это съ кѣмъ, кто съ кѣмъ распрощается?
Или мужъ со женой, или это братъ съ сестрой?...
Доброй молодецъ съ душой красной-дѣвицей!

Москва. Зап. А. А. Григорьевъ.

Ты дорога моя, дорога широкая,
Ужь никто-то по тебѣ не проваживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ.
Тутъ ишли-прошли три полка солдатъ:
Ужь и первый полкъ — все охотнички,
А другой-то полкъ — малы школьнички,
Ужь и третій полкъ — все невольнички!
Какъ охотнички пѣсню гаркнули;

Малы школьнички — въ барабаны грянули,
А невольнички — горько всплакнули.
Середи полка знамена несутъ,
Подъ знаменами молодой солдатъ;
Онъ не пьянъ-то идетъ, самъ качается,
На всѣ стороны онъ покланяется,
Съ отцемъ, съ матерью онъ прощается...
Съ молодой-то женой не прощается,
Не прощается — все ругается:
Отъ тебя-то, жена, я въ солдаты пошелъ,
Отъ твоего ли, жена, полюбовника.

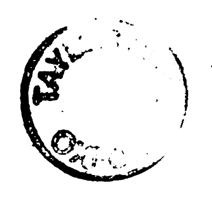
Записана А. Григорьевымъ.

Уланы вы, гдѣ были, побывали?
Мы подъ Питеромъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали,
Мы Москвою проходили,
Ко вдовушкѣ заходили:
Пусти вдова ночевати,
Молодая постояти!
А вдовушка выходила,
Таки рѣчи говорила:
У меня дворикъ маленекъ,
А горенка не величка.
Солдатушки не взирали,
Воротички отворяли;
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, по порядкамъ,
Большой гость въ переднее мѣсто;
А вдова стоитъ у печки,
Прижала руки къ сердечку,
Какъ возговоритъ большой гость:
Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже.
Ты который годъ вдовѣешь,
Ты который сиротѣешь?
Я десятый годъ вдовѣю,
Ужь я пятый сиротѣю.
Ужь и много ль у тебя хлѣба?
У меня хлѣба осмина.
Ужь и много ль у тебя денегъ?
У меня денегъ полтина.
Ужь и много ль у тебя дѣтокъ?
У меня дѣтокъ четвéро.
Подавай вдова черну шляпу;
Во шляпушкѣ полотенце,
Въ полотенцѣ узелочекъ,

Въ узелочкѣ золотъ перстень —
Ужь не твой ли обручальный?

Записана А Григорьевымъ.

О СЛУЖБѢ.



Вечоръ нонѣ, матушка, мнѣ мало спалось,
Мало спалось, да много видѣлось:
„Разнесъ меня да добрый конь
„По чисту полю да по раздольицу;
„Спàла моя шляпонька съ буйной головы,
„Спàла моя плеточка да со правой руки,
„Со правой руки да со перчаточкой.
„Знать-то мнѣ-ка матушка дома не бывать,
„Знать-то добру молодцу да во солдатахъ быть,
„Во солдатахъ быть да мнѣ царю служить,
„Мнѣ царю служить да вѣрой-правдою“.
Заплакала матушка объ сынѣ своемъ.
„Не плачь, не плачь матушка да радость моя
„Втапоры наплачешься, послѣ безъ меня,
„Что угонятъ меня молодца во ины мѣста,
„Во ины мѣста въ дальны города;
„Напишу къ тебѣ я, матушка, да скору грамоту,
„Скору грамотку, да вѣсть нерадостну,
„Не перомъ напишу, не чернилами,
„Напишу я грамотку да горючми слезми,
„Горючми слезми да изъ ясныхъ очей,
„Положу во грамотку перстень да портретъ,
„Перстень да портретъ, крестикъ золотой.
„Запечатаю я грамотку да думой крѣпкою,
„Пошлю эту грамотку со скорымъ посломъ,
„Со скорымъ посломъ да со буйнымъ вѣтромъ.
„Получишь ты матушка да эту грамотку,
„Вынь-ка моя матушка перстень да портретъ,
„Крестикъ золотой. На портретъ взгляни —
„Меня вспомяни“.